

На правах рукописи

КУФЛЕВА Валентина Николаевна

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УЧЕНИЯ
О ЛИЦЕ, СОВЕРШИВШЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЕ**

**Специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук**

Краснодар, 2026

Работа выполнена на кафедре уголовного права и криминологии
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Кубанский государственный университет»

Научный консультант: **Пудовочкин Юрий Евгеньевич**,
доктор юридических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Кленова Татьяна Владимировна**,
доктор юридических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королева»,
заведующий кафедрой
уголовного права и криминологии

Незнамова Зинаида Александровна,
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет имени В.Ф. Яковлева»,
заведующий кафедрой уголовного права
имени М.И. Ковалева

Чучаев Александр Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
почетный работник высшего профессионального
образования Российской Федерации,
ФГБУН «Институт государства и права
Российской академии наук»,
заведующий сектором уголовного права,
уголовного процесса и криминологии

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Саратовская государственная
юридическая академия»

Защита состоится «20» июня 2026 г. в 10 ч. 00 мин. на заседании
диссертационного совета 24.2.320.07 по юридическим наукам, созданного на базе
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350000
г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 43, ауд. 11.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке и
на официальном сайте ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(<https://www.kubsu.ru/>).

Автореферат разослан « ___ » _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета 24.2.320.07
кандидат юридических наук, доцент

Лукожев Хусен Манаевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Стремительное развитие технологий, мультиплицирующее усложнение системы существующих и появление множества новых видов общественных отношений, трансформация роли и значения государства в системе субъектов внутривнутриполитического и международного общения и многие иные, характеризующие современный социум обстоятельства, с неизбежностью ставят вопросы, связанные с оценкой степени адекватности им права как одного из ведущих регуляторов общественной жизни. В эпоху глобализации, цифровизации, технологизации общества для права, как для ценностно-организованной теории и практики, исторически сформированной под влиянием этико-гуманистических установок, создаются ощутимые риски деформации и дегуманизации, отчетливо выявляемые при обращении к антропологическому объяснению феномена права. Затрагивая, прежде всего, вопрос понимания субъектов права, такие риски распространяются на весь механизм правового регулирования, создавая угрозу корректив и искажения всей системы – от принципов правового регулирования и содержания нормативных предписаний до порядка принятия правоприменительных решений.

Проблема дегуманизации не обходит стороной и уголовное право. Доктринальные стремления и нормативные попытки распространить действие уголовно-правовых норм на неличностных субъектов права, расширить возможности их применения за счет расширения круга субъектов и оснований уголовно-правового воздействия, изменить представления о роли личности виновного в механизме формирования основания уголовной ответственности, игнорировать либо наоборот гиперболизировать данные о лице, совершившем преступление, при разработке содержания и механизма применения мер уголовно-правового характера, изменить характер уголовно-правового воздействия за счет перераспределения репрессивного потенциала последствий совершения преступления между различными отраслями права, все это – не просто отдельные и разрозненные направления потенциально возможного изменения отрасли. Осмысленные и оцененные в своей целостной совокупности, они выражают единую логику дегуманизации уголовного права, стремление превратить его из права защиты человека от криминальных угроз и необоснованных притеснений со стороны государства, в подчеркнута прагматический инструмент социального управления и обеспечения безопасности.

Одна из причин такого положения вещей – общая неразработанность теории субъектов уголовного права, и как следствие, отсутствие в современной уголовно-правовой науке систематизированных знаний о лице, совершающем преступление, как главном адресате уголовно-правовых предписаний, о его роли в механизме формирования основания и содержания уголовной ответственности. Оценка современного состояния научного знания свидетельствует, что в отечественной уголовно-правовой доктрине не сформулировано общее представление о субъектах уголовного права и их

соотношении с субъектами уголовно-правового отношения; остается дискуссионным вопрос о параметрах согласования уголовно-правовой концепции государства с идеями ответственности юридических лиц и систем искусственного интеллекта; не решен вопрос о содержании прав и обязанностей лица, совершившего преступление, в рамках уголовно-правового отношения; не разработаны критерии согласования уголовно-правовых ограничений статуса лица, совершившего преступление, с правоограничениями, установленными в иных отраслях права; не выработан оптимальный механизм нормативного учета данных о лице, совершившем преступление, в механизме формирования основания уголовной ответственности; имеет место фундаментальная рассогласованность мер уголовно-правового воздействия, не учитывающих в определении оснований их применения сведений о лице, совершившем преступление; существуют противоречивые решения в части оценки опасности виновного лица на основе феномена кратности совершения преступления и дифференциации, исходя из этого, мер уголовной ответственности.

В целом можно констатировать, что понятие «лицо, совершившее преступление» не приобрело статус самостоятельной уголовно-правовой категории, выполняющей важное методологическое значение в теоретическом познании и нормативном конструировании оснований, содержания и пределов уголовно-правового воздействия.

Отмеченные обстоятельства не только тормозят общее развитие доктрины уголовного права, но и выступают значимым препятствием на пути практического воплощения конституционных требований о балансе приоритета прав человека и безопасности государства в уголовной политике страны.

Вследствие этого разработка теоретической концепции, направленной на получение новых знаний о системной связи механизма уголовно-правового регулирования с лицом, совершившем преступление, может восприниматься как ответ на актуальный социальный вызов. Стратегия национальной безопасности России признает, что уровень преступности в стране остается высоким, в связи с чем достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности требует снижения уровня криминализации общественных отношений и реализации принципа неотвратимости наказания за совершение преступления¹. Соответственно, и Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации определяет приоритетным направлением развития науки создание теоретических основ противодействия социокультурным угрозам и иным источникам опасности для общества и государства, укрепления национальной безопасности страны².

В таких условиях выбор для специального исследования проблем, связанных с пониманием и уголовно-правовой оценкой признаков лица, совершившего преступление, представляется актуальным и социально

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

² Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

оправданным.

Степень научной разработанности темы. Уголовно-правовые исследования феномена «лицо, совершившее преступление» традиционно разворачиваются в нескольких направлениях: познание его статуса как субъекта уголовно-правовых отношений (Н.М. Кропачев, Ю.Е. Пудовочкин, Н.В. Шигина и др.); изучение признаков и роли в качестве субъекта преступления (В.С. Орлов, В.Г. Павлов, В.С. Устименко и др.); обсуждение свойств личности в качестве предпосылки установления и дифференциации ответственности (В.Н. Бурлаков, Н.С. Лейкина, В.Д. Филимонов и др.); изучение личности виновного в качестве критерия индивидуализации уголовного наказания (И.И. Карпец, Т.В. Непомнящая, Л.А. Прохоров и др.). Однако при всем внимании, которое уделяется в науке каждому из этих направлений, целостное учение о лице, совершившем преступление, остается не разработанным в должной степени, а сама проблематика уголовно-правового статуса и оценки такого лица недостаточно концептуализированной. В ряду проблем, требующих дополнительного исследовательского внимания, значатся: разработка категории субъектов уголовного права и их соотношения с субъектами уголовно-правовых отношений, определение содержания и динамики правового и уголовно-правового статуса лица, совершившего преступление, уточнение роли и значения данных о лице, совершившем преступление, в ряду оснований установления уголовной ответственности, систематизация мер уголовно-правового воздействия на основе оценки роли лица, совершившего преступление, в формировании оснований их применения, модернизация нормативных основ дифференциации лиц, совершивших преступление. Обобщенный взгляд на эти проблемы свидетельствует, что в научном осмыслении проблем роли и значения лица, совершившего преступление, в механизме уголовно-правового регулирования, можно констатировать наличие ощутимого пробела, необходимость в восполнении которого дополнительно актуализирует выбор темы диссертации, предопределяет основное содержание и направления научного поиска.

Объект исследования составляют общественные отношения, складывающиеся в процессе уголовно-политического оформления, нормативного закрепления и практической реализации концепции, определяющей статус лица, совершившего преступление, в уголовном праве.

Предмет исследования – теоретико-методологические основания, принципы формирования, нормативная фиксация правового статуса лица, совершившего преступление, исторический опыт, современная практика и перспективы законодательного отражения правового феномена «лицо, совершившее преступление», при определении оснований применения, содержания и дифференциации мер уголовно-правового воздействия.

Цель исследования заключается в разработке уголовно-правового учения о лице, совершившем преступление, на основе аргументации теоретических положений, раскрывающих закономерности формирования его правового статуса, а также определяющих его роль и значение в механизме установления, дифференциации и реализации уголовной ответственности.

Задачи исследования, последовательное решение которых позволило достичь заявленной цели, состоят в следующем:

- определить круг субъектов уголовного права и место в нем лица, совершившего преступление, на основе концептуального различения механизмов уголовно-правового воздействия и уголовно-правового регулирования;

- модернизировать категориальный аппарат уголовно-правовой науки за счет разработки вопроса о системном соотношении понятий «субъект уголовного права», «субъект уголовно-правового отношения», «субъект преступления», «субъект уголовной ответственности», «личность виновного»;

- раскрыть содержательный механизм взаимодействия и взаимосвязи принципов уголовного права и правового статуса лица, совершившего преступление;

- охарактеризовать содержание и динамику индивидуального правового статуса лица, совершившего преступление, включая содержание его прав и обязанностей в рамках уголовно-правовых отношений и за их пределами;

- обосновать преимущества антропологического подхода к пониманию сущности лица, совершившего преступление;

- дать содержательную, предметную характеристику понятия «лицо, совершившее преступление», необходимую для установления границ уголовно-правового воздействия;

- определить основные направления и закономерности отражения признаков лица, совершившего преступление, в механизме формирования основания и условий уголовной ответственности;

- уточнить роль и значение признаков субъекта преступления в конструкции состава преступления;

- оценить потенциал использования категории «лицо, совершившее преступление» в целях упорядочения и оптимизации системы мер уголовно-правового воздействия;

- обосновать требования к типологии лиц, совершивших преступление, имеющей значение для эффективной дифференциации мер уголовно-правового характера;

- обосновать перспективные направления совершенствования теории и практики дифференциации и индивидуализации мер уголовно-правового характера в зависимости от типологических особенностей лиц, совершивших преступления.

Методология исследования определяется основными принципами диалектики (всеобщей связи явлений, системности, причинности и историзма), последовательное соблюдение которых предъявляет к процессу исследования правовых явлений требования объективности, всесторонности, комплексности, логической определенности, исторической конкретности, связи теории с практикой.

Содержание темы определило необходимость включения в методологический аппарат исследования возможностей системного подхода к изучению права. Его важнейшие категории («система», «целостность»,

«элемент», «модель», «структура», «функция» и др.) дали возможность рассмотреть лицо, совершившее преступление, как один из элементов механизма уголовно-правового регулирования, определяющий функциональное назначение, типологию и способ взаимодействия иных его элементов, в том числе нормативных правовых предписаний и правовых институтов.

Исследование опирается также на междисциплинарные познавательные возможности конституционного правопонимания и гносеологический потенциал аксио-телеологической интерпретации нормативных правовых актов³.

На этой философской и теоретической основе в работе реализованы возможности:

– общенаучных методов: анализ и синтез (для обособления компонентов механизма реализации уголовной ответственности, вычленения в нем роли и значения лица, совершившего преступление, с последующей конструктивной сборкой модернизированной концепции, предполагающей обособление оснований и условий уголовной ответственности, а также классификацию на этой основе мер уголовно-правового воздействия); дедукция (в интересах структурной деконструкции понятия «лицо, совершившее преступление»); индукция (для формирования общих теоретических подходов к нормативной оценке данных о личности в механизме формирования основания, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности); аналогия (в целях установления проверенных временем и опытом решений близких по содержанию теоретико-прикладных проблем, в том числе в иных отраслях права и в теории права); классификация и типологизация (для уточнения и представления внутренней структуры и неоднородности исследуемого феномена, в том числе для раскрытия структуры правового статуса лица, совершившего преступление, определения видов мер уголовно-правового воздействия и мер уголовно-правового характера, уголовно-правовой дифференциации лиц, совершивших преступление); моделирование (в целях представления оптимальных теоретических и нормативных решений);

– научно-правовых методов уголовно-правовых исследований: логико-юридического (в процессе толкования уголовно-правовых норм, уяснения смысла и содержания уголовно-правовых понятий и конструкций); историко-правового (для установления основных тенденций и закономерностей формирования, развития и нормативного воплощения концепции «лицо, совершившее преступление»); сравнительно-правового (в целях выявления

³ Основные принципы и результаты применения этой методологии отражены в аналитической информации Конституционного Суда Российской Федерации: «О конституционно-правовых аспектах совершенствования правотворческой и правоприменительной деятельности в сфере обеспечения и защиты прав и свобод граждан (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2009–2011 гг.)» от 17 июля 2012 г.; «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 гг.)» от 23 июня 2016 г.; «Конституционно-правовые аспекты совершенствования правоприменительной деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2016–2018 гг.)» от 25 октября 2018 г.; «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» от 19 октября 2021 г.; «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 гг.)» от 14 ноября 2023 г.; «Конституционно-правовая защита человеческого достоинства: актуальные аспекты» от 30 октября 2025 г.

перспективных нормативных решений в части учета данных о лице, совершившем преступление); метода анализа документов (для выявления социальных и политических предпосылок принятия отдельных законодательных решений, уточнения предметного и конституционного содержания нормативных правовых актов, определения господствующих вариантов судебного толкования уголовно-правовых норм); контент-анализа (в целях выявления контекста и содержательных особенностей использования понятия «лицо, совершившее преступление» в научной литературе и судебных актах); социологического опроса (для выяснения мнения профессионального сообщества по вопросам, определяющим содержание разрабатываемой концепции); статистического метода сводки и группировки данных (в целях анализа основных тенденций динамики судебной практики применения мер уголовно-правового воздействия в отношении различных категорий лиц, совершивших преступление).

Нормативную основу исследования образуют:

– Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.), устанавливающая принципы взаимоотношений личности и государства в сфере права, а также основы уголовно-правового регулирования;

– общепризнанные принципы и нормы международного права (в том числе закрепленные во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., Международном пакте о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.), формирующие основы правового статуса личности и выступающие источником уголовно-правовых норм;

– Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ, закрепляющие права и обязанности лица, совершившего преступление, а равно определяющие механизм учета данных о личности в процессе разрешения уголовно-правового конфликта;

– иные нормативные правовые акты и политико-правовые документы, определяющие правовой статус лица, совершившего преступление, и основные направления уголовно-правового воздействия (в том числе Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», Стратегия национальной безопасности от 2 июля 2021 г. и др.).

В историческом ключе изучались отдельные памятники российского уголовного права (Русская правда, Соборное Уложение 1649 г., Новоуказные статьи 1669 г., Воинские Артикулы 1715 г., Уголовные кодексы РСФСР 1922 г., 1926 г., 1960 г.). В сравнительно-правовом аспекте исследованию было подвергнуто уголовное законодательство стран, демонстрирующих уникальные и перспективные решения в области нормативной оценки лиц, совершивших преступление: Республика Армения, Республика Беларусь, Кыргызская Республика, Грузия, Китайская Народная Республика, Государство Израиль.

Эмпирическая база исследования включает в себя:

– результаты анализа и обобщения правовых позиций Конституционного Суда России по вопросам конституционного толкования уголовно-правовых норм и уточнения правового статуса личности (106 постановлений и 59 определений, принятых в период с 1995 по 2025 гг.);

– материалы изучения документов, отражающих процесс законотворческой деятельности: тексты четырех законопроектов и сопровождающих их документов, размещенных на официальном Интернет-сайте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, и предполагающих корректировку нормативных предписаний о лицах, совершивших преступление;

– итоги обобщения правовых позиций высшей судебной инстанции, отраженные в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации (всего – 44 документа);

– материалы исследования в общей сложности 420 итоговых судебных решений судов первой, апелляционной и кассационной инстанций, в том числе связанных с оценкой поведения лиц, совершивших преступление впервые (185 документов), совершивших преступление при наличии судимости (120 документов), совершивших преступление, предусмотренное ст. 210¹ УК РФ (30 документов), а также с применением отдельных мер уголовно-правового воздействия – конфискации имущества, мер воспитательного воздействия, судебного штрафа (сбор материалов осуществлялся посредством удаленного доступа с использованием СПС «Консультант Плюс» и АИС «Судебные и нормативные акты РФ», а также непосредственно в архивах судов Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области и Республики Адыгея);

– данные, полученные в процессе проведения анкетирования 136 работников научных и образовательных организаций и специалистов в области практики применения уголовного закона (в общем числе опрошенных 63% имели ученую степень кандидата юридических наук, 19% – степень доктора наук, остальные 18% – высшее юридическое образование без ученой степени);

– итоги статистического анализа данных Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации и Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации о состоянии преступности и судимости отдельных категорий лиц в период с 2000 по 2024 гг.

Теоретическая основа исследования представлена:

– общей теорией уголовной политики, включая концепции криминализации опасных деяний (И.Я. Козаченко, А.И. Коробеев, Ю.Е. Пудовочкин и др.) и дифференциации уголовной ответственности (Л.Л. Кругликов, Т.А. Лесниевски-Костарева, Е.В. Рогова и др.);

– концепциями уголовно-правового воздействия (М.В. Бавсун, Б.Т. Разгильдиев и др.) и уголовно-правового регулирования (Т.В. Кленова, Н.А. Лопашенко, А.И. Чучаев и др.), включая учение об уголовно-правовых отношениях (А.В. Наумов, Н.А. Огурцов и др.);

– учением о социальных и конституционных основах уголовно-правового регулирования (А.Э. Жалинский, Н.Ф. Кузнецова, З.А. Незнамова и др.);

– криминологическим (Ю.М. Антонян, Е.Б. Кургузкина, А.Б. Сахаров и др.) и уголовно-правовым (В.Н. Бурлаков, Н.С. Лейкина, В.Д. Филимонов и др.) учением о личности преступника;

– теорией состава преступления в различных ее вариациях (В.Н. Кудрявцев, А.Н. Трайнин, А.В. Иванчин и др.), включая учение о субъекте преступления (В.Г. Павлов, В.С. Устименко и др.);

– концептуальными построениями теории мер уголовно-правового характера (И.Э. Звечаровский, С.И. Курганов, Т.В. Непомнящая и др.);

– концепцией институционального строения и системологических связей уголовного права, сформированной научной школой «Институциональные основы уголовного права Российской Федерации» в Кубанском государственном университете (В.П. Коняхин).

Научная новизна исследования состоит в разработке и аргументации уголовно-правового учения о лице, совершившем преступление, в рамках которого это лицо рассматривается в системном единстве с механизмом уголовно-правового регулирования. В соответствии с предложенной концепцией:

– обосновано перспективное значение надлежащей разработки и структурного обособления в уголовно-правовой науке учения о субъектах уголовного права;

– показана содержательная связь двух элементов социального механизма действия уголовного права (воздействия и регулирования) с двумя категориями субъектов уголовного права (субъектов воздействия и субъектов правоотношения);

– модернизированы теоретические представления о субъектном составе правоотношений, составляющих предмет уголовного права, и характере правовых связей лица, совершившего преступление, с иными субъектами, вовлеченными в уголовно-правовой конфликт;

– раскрыто понятие и соотношение общего, специального и индивидуального правового статуса лица, совершившего преступление, показана динамика индивидуального правового статуса лица как субъекта уголовно-правового отношения;

– на основе уточнения функционального назначения уголовно-правовых норм сформулировано качественно новое представление о содержании прав и обязанностей лица, совершившего преступление, в рамках уголовно-правовых отношений;

– разработана типология и определены условия легитимности правоограничений, существующих для лица, совершившего преступление, за рамками уголовно-правовых отношений;

– исходя из конституционных притязаний лица, совершившего преступление, дана новая интерпретация системы и содержания принципов уголовного права;

– критически описаны модели потенциального решения вопроса об ответственности неличностных субъектов уголовного права, доказаны преимущества человекомерного понимания механизма уголовно-правового регулирования;

- для целей уголовно-правового регулирования раскрыты операционально-нормативный, криминологический-нормативный и социально-нормативный аспекты феномена «совершение преступления»;
- выявлены и критически описаны модели решения вопроса о соотношении опасности преступления и опасности личности виновного; доказаны преимущества дифференцированной оценки опасности деяния и опасности личности в качестве составных элементов опасности преступления;
- доказаны преимущества различения оснований и условий уголовной ответственности в контексте оптимизации учения о составе преступления;
- аргументирован новый подход к оценке признаков субъекта преступления и двух типологических конструкций преступлений со специальным субъектом (сингулярной и кумулятивной);
- представлен новый подход к систематизации мер уголовно-правового воздействия, учитывающий специфику содержания оснований их применения, показана специфика мер уголовно-правового характера;
- сформулированы методологические требования к типологии лиц, совершивших преступление, имеющей значение для эффективной дифференциации мер уголовно-правового характера;
- введена в оборот и оценена криминологическая и уголовно-социологическая информация, раскрывающая особенности преступности лиц, совершающих преступление впервые и при наличии судимости;
- описаны две модели понимания преступления, совершенного впервые (криминологическая и уголовно-политическая), доказана необходимость функционального разграничения преступления, совершенного впервые, и лица, впервые совершившего преступление;
- разработан механизм унификации нормативной оценки общественной опасности лица, повторно совершающего преступление, при назначении уголовного наказания за счет переосмысления уголовно-правового значения судимости.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Конституционное измерение уголовного права исключает возможность признания человека объектом уголовно-правового воздействия. Лица, к которым обращены требования уголовно-правовых норм, выступают равными государству субъектами уголовного права. При этом, учитывая механизм социального функционирования отрасли, частные субъекты уголовного права представлены как: а) субъекты уголовно-правового воздействия; б) субъекты уголовно-правового регулирования. Все субъекты уголовного права выступают субъектами уголовно-правового воздействия, но не все субъекты уголовно-правового воздействия выступают субъектами уголовно-правовых отношений. Способность субъектов уголовного права вступать в уголовно-правовые отношения определяется их правоспособностью и дееспособностью; правоспособными следует признавать всех лиц, к которым обращены уголовно-правовые запреты, дееспособными – лиц, которые способны осознавать качество запретов, нарушать их и нести за них уголовную ответственность.

2. Субъектом уголовно-правового отношения может выступать только лицо, совершившее преступление, вступающее в связи с этим фактом в правовую связь с государством. Последовательное упорядочение круга субъектов уголовно-правовых отношений предполагает: а) исключение из уголовного закона положений, определяющих последствия совершения общественно опасного деяния невменяемым лицом; б) изменение представлений о правовой природе мер воспитательного воздействия, которые применяются к лицам, совершившим общественно опасное деяние до достижения возраста уголовной ответственности, и принудительных мер медицинского характера; в) признание исключительно гражданско-правовой природы отношений, возникающих между лицом, совершившим преступление, и иными лицами, предоставляющими ему средства для уплаты штрафов или возмещения причиненного преступлением вреда; г) признание гражданско-правовой природы отношений, возникающих между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим, а равно – конституционно-правовой природы отношений между потерпевшим и государством.

3. Лицо, совершившее преступление, выступает в сфере правоотношений как конкретный человек с присущими ему индивидуальными свойствами и как олицетворение юридического понятия, указывающего на носителя специфических прав и обязанностей. Такое различие является условием правильного понимания иерархии правовых статусов лица, совершившего преступление. Как субъект права, оно обладает различными правами и обязанностями, формирующими его общий правовой статус. Как субъект уголовного права оно имеет специальный правовой статус в виде набора прав и обязанностей, вытекающих из требований уголовно-правовой нормы. Общий и специальный статусы обладают признаками обобщенности, абстрактности и неизменности. В противоположность этому индивидуальный правовой статус лица, совершившего преступление, тесно связанный с конкретным человеком – участником уголовно-правового отношения, является динамической категорией, указывая, какие именно права и обязанности личности фактически реализуются, используются в тот или иной момент времени. Изменения индивидуального правового статуса лица, совершившего преступление, отражают последовательность разрешения вопроса о его уголовной ответственности. В зависимости от стадии развития уголовно-правового отношения он может быть представлен следующими статусами: «лицо, подлежащее уголовной ответственности», «лицо, признанное виновным и осужденное за преступление», «лицо, судимое за совершение преступления».

4. Правовой статус лица, совершившего преступление, предопределяется принципами уголовного права, равно как и принципы уголовного права определяются статусом личности в правовом государстве. В контексте связи с понятием «лицо, совершившее преступление», принципы могут восприниматься как предъявляемые к уголовно-правовому регулированию требования, вытекающие из конституционного статуса личности и основ ее взаимоотношений с государством. В конституционной основе принципов – представления о приоритетной ценности человека в

правовом государстве, в связи с чем сами принципы могут интерпретироваться как условия, при соблюдении которых человек согласен на обязательное ограничение его прав и свобод средствами уголовного права. Человекомерная интерпретация принципов уголовного права предполагает: соблюдение требования не только доступности восприятия, но и доступности понимания уголовного закона; включение требования осознания противоправности деяния в содержание вины; обеспечение вытекающей из такого осознания неотвратимости ответственности; активацию категории «степень вины» в качестве критерия индивидуализации личной ответственности; признание человека «слабой стороной» уголовно-правового отношения, требующей гуманности мер публично-правовой ответственности за преступление.

5. Конституционные притязания личности на уважение ее прав и свобод в публичных правоотношениях с государством детерминируют новый взгляд на содержание уголовно-правового отношения. Традиционное представление о лице, совершившем преступление, как о правообязанном субъекте, должно быть отвергнуто. Лицо совершившее преступление, есть активный, правоуполномоченный субъект, обладающий лишь пассивными обязанностями.

Права лица, совершившего преступление, в рамках уголовно-правовых отношений могут быть выведены из конституционного требования гарантирования прав любого лица от необоснованного ограничения и умаления. В соответствии с этим основу отраслевых правовых притязаний лица, совершившего преступление, составляют право на надлежащий суд (исключающее внесудебные формы расправы) и право на применение надлежащего закона (включая требования территориальной, персональной юрисдикции и обратной силы более мягкого закона).

Обязанности лица, совершившего преступление, в рамках уголовно-правовых отношений не предполагают выполнения ими каких-либо активных действий в интересах государства. Исходя из презумпции добропорядочности граждан и презумпции невиновности, они заключаются в пассивном поведении граждан: обязанности не оказывать препятствий государству в реализации его суверенных прав на осуществление уголовного преследования и обязанности претерпеть назначенные на основании судебного решения меры уголовно-правового принуждения.

6. Правовой статус лица, совершившего преступление, формируется за счет обременений, существующих как в рамках уголовно-правовых отношений, так и за их пределами. Совокупность ограничений, реализуемых вне пределов уголовно-правовых отношений, может быть сведена в три блока: а) обусловленные особенностями уголовного наказания ограничения, возникающие в связи с его исполнением; б) обусловленные особенностями преступления ограничения, связанные с реализацией иных, кроме уголовной, видов ответственности за причиненный вред; в) обусловленные особенностями лица, совершившего преступление, общие ограничения, установленные в целях минимизации исходящих от него рисков причинения вреда. Легитимность этих правоограничений предполагает: а) недопустимость

наполнения режима исполнения наказания ограничениями, не вытекающими из сущности наказания; б) недопустимость совмещения различных видов публично-правовой ответственности за одно правонарушение; в) соблюдение условий и пределов преюдициальной силы судебных постановлений по уголовным делам при разрешении вопросов о реализации мер частно-правовой ответственности; г) соблюдение конституционных стандартов соразмерности и пропорциональности при введении общих ограничений для лиц, совершивших преступление.

7. Перспективы развития современных технологических, экономических и информационных процессов создают существенные уголовно-правовые риски. Предлагаемый доктриной в целях их преодоления отказ от концепции антропологического понимания субъекта уголовно-правовых отношений и расширение круга субъектов права за счет корпораций и систем искусственного интеллекта, не может восприниматься просто как элемент адаптивной модернизации уголовно-правовых норм и конструкций. Этот вопрос затрагивает фундаментальные, философские основания права. А потому выбор между возможными вариантами его решения не является политическим, он есть, по сути, мировоззренческий выбор между конкурирующими инструментальными и моральными теориями уголовного права. Существующие положения о возможности признания субъектом уголовно-правового отношения, субъектом преступления и субъектом уголовной ответственности исключительно человека следует рассматривать в качестве компонента системы сохранения человекомерности уголовного права. Вопрос о конструировании и применении мер уголовно-правового воздействия должен решаться на основе философских теорий уголовного права, наиболее привлекательная из которых представляет его в качестве средства морального осуждения поступков, разрушающих систему ценностей, призванных гарантировать стабильность и устойчивость общества, и которая не допускает применение мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, не способных к свободному моральному выбору.

8. Современная уголовно-правовая теория предполагает применение мер воздействия только к тем лицам, чья причастность к преступлению выражена в форме совершения. «Совершение» следует признать самостоятельным уголовно-правовым концептом, который привносит дополнительные содержательные характеристики в поведение лица, выступающее основанием уголовной ответственности. Толкование данного концепта включает в себя три компонента: а) «совершение» как деяние, запрещенное законом (служит принципиальной гарантией против любых попыток привлечения к уголовной ответственности за мысли, убеждения и настроения); б) «совершение» как поведенческий процесс (в умышленных преступлениях объемлет два этапа механизма индивидуального преступного поведения личности: этап подготовки к преступлению и этап его выполнения, а также два вида деяний: исполнение объективной стороны преступления и соучастие в преступлении); в) «совершение» как причинение вреда (предполагает, что деяние выступает

главной причиной, с внутренней необходимостью порождающей социально значимый вред охраняемым уголовным законом ценностям).

9. Данные об общественной опасности лица, совершившего преступление, не могут быть инкорпорированы в структуру опасности совершенного им деяния. Опасность деяния определяется его объективными и субъективными признаками (виной, мотивом и целью), которые, выражая отношение лица к охраняемым законом ценностям, обеспечивают содержательную связь личностных особенностей виновного и совершенного им поступка. Опасность деяния – признак, необходимый для признания его преступлением, но не исчерпывающий представления об опасности самого преступления. Опасность преступления складывается из оценки опасности криминализированного деяния и опасности личности, это деяние совершившей. Такая дифференцированная оценка опасности деяния и опасности преступления необходима для решения принципиального вопроса об основании уголовной ответственности. В качестве такового может выступать исключительно общественно опасное деяние, в то время как совокупная оценка опасности деяния и личности виновного выступают основой для определения содержания и формы реализации уголовной ответственности. Дифференциация опасности деяния и опасности преступления служит дополнительным аргументом в пользу изменения теоретических представлений о структуре состава преступления. Лицо, совершившее преступление, и все его значимые для уголовной ответственности признаки, включая признаки, свидетельствующие об опасности лица, то есть признаки субъекта преступления, следует вывести из конструкции состава в отдельную, нормативно значимую структуру и именовать ее условиями уголовной ответственности.

10. Различение оснований и условий уголовной ответственности служит предпосылкой систематизации мер уголовно-правового воздействия. В общей системе таких мер следует выделить: а) меры, применяемые только в связи с совершением преступления, вне зависимости от оценки опасности виновного лица (конфискация имущества); б) меры, применяемые только в связи с особенностями личности виновного, опасность которой не зависит от совершенного преступления (принудительные меры медицинского характера); в) меры, в основе которых лежит совокупная и взаимосвязанная оценка опасности и деяния, и личности (меры уголовно-правового характера). Составляя содержание уголовной ответственности, меры уголовно-правового характера, применяются: а) как реакция только на преступление, но не на постпреступные юридические факты (в связи с чем нельзя признавать мерами уголовно-правового характера те, что применяются в процессе исполнения приговора и служат средством корректировки правового статуса осужденного лица); б) только судом в обвинительном приговоре (в связи с чем должна быть исключена возможность применения мер уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности).

11. Необходимость реализации уголовной ответственности и выбор формы ее реализации судом зависит от оценки криминальной степени

опасности лица, совершившего преступление, под которой следует понимать такой уровень опасности личности, для минимизации которого необходима целенаправленная реализация мер уголовно-правового характера. Вывод о криминальной степени опасности личности является итогом оценочной и прогностической деятельности правоприменителя. В правоприменительном процессе роль данных о степени опасности личности обратно зависима от оценки общественной опасности деяния. При совершении преступлений небольшой или средней тяжести сведения о личности имеют существенно большее значение для решения вопроса о самой необходимости реализации ответственности; тогда как при совершении преступлений тяжких и особо тяжких учет данных о личности перемещается на этап выбора формы реализации ответственности и мер уголовно-правового характера.

12. Обеспечение эффективности уголовно-правового воздействия предполагает дифференциацию лиц, совершающих преступления. Методологическим требованиям к такой дифференциации в полной мере отвечает градация лиц, совершающих преступления, на основе критерия кратности совершенного деяния и характера государственной реакции на него. Она позволяет ранжировать лиц, совершивших преступление, по степени возрастания опасности следующим образом: а) совершившие преступление биографически впервые; б) ранее совершавшие преступление, но освобожденные от ответственности; в) ранее совершавшие преступление и имеющие снятую или погашенную судимость; г) ранее совершавшие преступление и имеющие неснятую или непогашенную судимость; д) совершившие преступление при наличии рецидива. Ранжированная оценка опасности лица, совершившего преступление, отражается в практике принятия решения по уголовному делу и в практике выбора судом вида уголовного наказания, свидетельствуя о наличии двух полюсов формирования устойчивых правоприменительных тенденций, в качестве которых выступают: с одной стороны, фактически и юридически несудимые лица, с другой стороны, лица, имеющие судимость, сохраняющую уголовно-правовое значение.

13. Итогом существенных трансформаций преступности и практики контроля над ней в первой четверти XXI в. стало: сокращение среди лиц, совершивших преступление, тех, кто совершает его впервые (при отсутствии судимости), и рост тех, кто совершает преступление не в первый раз (при наличии судимости), а также сокращение среди лиц, фактически совершающих несколько преступлений, доли рецидивистов с одновременным увеличением доли судимых при отсутствии рецидива и доли впервые осуждаемых за совершение нескольких преступлений. Наличие или отсутствие юридически неаннулированной судимости отражается на выборе криминальных форм поведения: лица судимые и рецидивисты выступают социальной базой традиционной общеуголовной корыстной и корыстно-насильственной преступности, монополизировав ее, тогда как лица не судимые выступают базой криминальной диверсификации, осваивая новые общественно опасные практики, что важно для оценки преступности с точки

зрения соотношения ее устойчивости и изменчивости, а следовательно, и для перспективной организации уголовно-правового воздействия.

14. В теоретическом и прикладном отношении следует различать функциональное назначение понятий «преступление, совершенное впервые» и «лицо, впервые совершившее преступление». Впервые совершенное преступление обладает свойствами юридического факта, который в силу законодательных предписаний задает особую конфигурацию средств разрешения уголовно-правового конфликта; императивно и вне зависимости от данных о личности виновного, корректирует санкцию уголовно-правовой нормы, исключая из нее отдельные наказания или наоборот дополняя ее альтернативными видами наказания. В противоположность этому, лицо, впервые совершившее преступление, не является характеристикой личности, императивно предписывающей те или иные уголовно-правовые последствия. Совершение лицом преступления впервые призвано свидетельствовать о том, что оно не обладает высоким уровнем общественной опасности. Однако оценка опасности лица, впервые совершившего преступление, не предопределена лишь однократностью преступления и (или) его категориальной принадлежностью, но зависит от множества иных обстоятельств. В силу чего не каждое лицо, впервые совершившее преступление, может рассчитывать на уголовно-правовые преференции. В структуре обстоятельств, учитываемых правоприменителем при решении вопросов, связанных с индивидуализацией уголовной ответственности и наказания, факт совершения преступления впервые не может иметь статус самостоятельного смягчающего обстоятельства, он относится к разряду тех, что могут лишь в совокупности с иными обстоятельствами положительно характеризовать личность виновного.

15. Действующее уголовное законодательство не отличается системным и согласованным подходом к оценке лиц, повторно совершающих преступление, допуская использование этой конструкции в институте преступления (при конструировании признаков специального субъекта преступления), в институте множественности преступлений (рецидив) и в институте назначения наказания (при определении правил назначения наказания с учетом данных о личности виновного). Унификация нормативного подхода к оценке лиц, повторно совершающих преступление, должна основываться на идее признания судимости элементом правовой характеристики личности виновного, который свидетельствует о повышенной опасности именно этого лица, а не совершаемых им повторно преступлений. Это: исключает возможность конструирования основных и квалифицированных составов преступлений с признаком специального субъекта, имеющего судимость за ранее совершенные преступления; предполагает учет судимости только при назначении наказания и решении иных вопросов, связанных с индивидуализацией уголовной ответственности; требует признания отягчающим наказание обстоятельством совершение преступления лицом, имеющим судимость, и вычленение из общей массы судимых лиц особой категории – рецидивистов на основе нормативной концепции «рецидивист как свойство личности».

Теоретическое значение исследования заключается в том, что разработка учения о лице, совершившем преступление, восполняет ощутимый пробел в отечественной юридической науке, связанный с исследованием субъектов уголовного права. Подтверждая познавательную ценность методологического подхода, базирующегося на принципах системного анализа и конституционного правопонимания, исследование формирует систему теоретических положений, последовательное развитие и воплощение которых призвано гарантировать одновременно социальную эффективность и гуманистическую человекосоразмерность уголовного права. В условиях нарастающих рисков дегуманизации права такое исследование выступает одним из обязательных условий достижения целей политики обеспечения криминологической и в целом национальной безопасности страны. Представленная в диссертации концепция: содержит уточненный понятийно-категориальный аппарат, отражающий многообразие форм проявления и статусов лица, совершившего преступление; раскрывает предметное содержание и уголовно-правовое значение категории «лицо, совершившее преступление»; демонстрирует системообразующую функцию данных о лице, совершившем преступление, для разработки системы мер уголовно-правового характера, а также определения оснований их установления, дифференциации и индивидуализации. Теоретические положения работы находятся в системной связи, поддерживают развитие, углубляют и развивают такие разделы отраслевой правовой доктрины, как теория уголовно-правовых отношений, теория состава преступления, теория мер уголовно-правового характера, теория дифференциации уголовной ответственности; тем самым проведенное исследование способствует развитию уголовно-правовой науки в целом.

Практическая значимость исследования состоит в том, что сформулированные в ней положения могут рассматриваться в качестве методологической основы для повышения эффективности механизма уголовно-правового регулирования за счет усиления его личностно-ориентированных характеристик. Выводы и рекомендации, представленные в работе, способны служить надежной, теоретически непротиворечивой и эмпирически подтвержденной информацией для обоснования проектных решений по совершенствованию уголовного закона в части последовательного разграничения оснований и условий уголовной ответственности, оптимизации системы мер уголовно-правового характера, совершенствования оснований и порядка дифференциации уголовной ответственности. Рекомендации, сформулированные в тексте диссертации, могут служить основой для разрешения актуальных проблем практики применения уголовного закона в части: квалификации преступлений, совершаемых специальными субъектами, оценки общественной опасности преступления и лица, его совершившего, мотивирования судебных решений о выборе оптимальной меры уголовно-правового характера. Итоги обобщения и моделирования теоретических позиций, а также авторские представления о лице, совершившем преступление, могут быть использованы в учебном процессе высших учебных заведений юридического профиля при реализации программ основного и

дополнительного профессионального образования, а также в последующей научно-исследовательской практике.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации нашли отражение в 65 научных публикациях, в том числе в 31 статье в изданиях, входящих в перечень ВАК при Минобрнауки РФ, и в 3 монографиях.

Сформулированные концептуальные положения стали предметом обсуждения на научных форумах, в том числе:

– на международных научно-практических конференциях в Российской Федерации: «Современные проблемы уголовной политики» (Краснодарский университет МВД России, Краснодар, 28.09.2012 г.; 3.10.2014 г., 30.09.2016 г.); «Правовая система России: традиции и модернизация» (Кубанский государственный университет, Краснодар, 20.04.2013 г.); «Уголовно-правовое воздействие: проблемы понимания и реализации» (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, 29–30.09.2014 г.); «20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: de lege lata et de lege ferenda» (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, 23–24.06.2016 г.); «Проблемы эффективности права в современной России» (Кубанский государственный университет, Краснодар, 7.10.2016 г.); «Уголовный закон: алгоритм и стратегия развития (к 100-летию УК РСФСР 1922 г. и 50-летию кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета)» (Кубанский государственный университет, Краснодар, 17.03.2022 г.); «Уголовный закон: вчера, сегодня, завтра» (Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, 9–10.06.2023 г.; 20.06.2025 г.); «Институциональные основы уголовного права РФ» (Кубанский государственный университет, Краснодар 1–2.02.2024 г.); «Уголовная политика и культура противодействия преступности» (Краснодарский университет МВД России, Новороссийск, 20.09.2024 г.; 26.09.2025 г.); «Преступление и наказание: диалектический контент (к 100-летию принятия Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик)» (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, 27–28.09.2024 г.); «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, 23–24.01.2025 г.; 22–23.01.2026 г.); «Стратегии противодействия преступности в условиях изменяющейся реальности» (Севастопольский государственный университет, Севастополь, 22.05.2025 г.); «Актуальные проблемы уголовно-правовых наук» (Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, 19–21.06.2025 г.);

– на международных научно-практических конференциях в зарубежных странах: «Современное уголовное право: взаимодействие теории и практики» (Российско-Армянский университет, Ереван, 31.05–1.06.2024 г.); «15-летие Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан: состояние и перспективы» (Академия МВД Республики Таджикистан, Душанбе, 3.12.2024 г.); «Опыт реформирования законодательства в сфере противодействия преступности: к 10-летию принятия и вступления в силу

действующих Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов Республики Казахстан» (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, 28.03.2025 г.); «Права человека и проблемы современности» (Таджикский национальный университет, Душанбе, 5.12.2025 г.);

– на всероссийских научно-практических конференциях: «Уголовно-правовое воздействие и его роль предупреждении преступности (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, 31.03–1.04.2016 г.); «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. 1919 года: концептуальные основы и историческое значение (к 100-летию со дня принятия)» (Кубанский государственный университет, Краснодар, 13–14.12.2019 г.); «Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.)» (Кубанский государственный университет, Краснодар, 28–29.05.2021 г.); «Развитие учения о преступлении и ответственности в уголовном праве XXI века» (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 2–3.10.2025 г.);

– на Российских конгрессах уголовного права: «Криминологические основы уголовного права» (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 26–27.05.2016 г.); «Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики» (МГУ им. Ломоносова, Москва, 31.05–1.06.2018 г.).

Материалы исследования используются в учебном процессе юридического факультета имени А.А. Хмырова Кубанского государственного университета, юридического факультета Адыгейского государственного университета, Краснодарского университета МВД России, что подтверждается актами внедрения, а также использованием авторских наработок в подготовке учебников и учебных пособий для вузов⁴.

Отдельные выводы и рекомендации, аргументированные в диссертации, внедрены в практическую деятельность Верховного Суда Республики Крым, Краснодарского и Ставропольского краевых судов.

Структура работы определяется ее целью, поставленными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, объединяющих пятнадцать параграфов, заключения, списка использованных источников и приложения.

⁴ Куфлева, В.Н. Понятие и система мер уголовно-правового характера; Условное осуждение / В.Н. Куфлева, А.П. Чугаев // Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М.: Контракт, 2014. С. 308–318; 398–405; Куфлева, В.Н. Преступления против семьи и несовершеннолетних; Преступления против общественной безопасности / В.Н. Куфлева, А.Г. Сапрунов, М.Л. Прохорова // Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М.: Контракт, 2015. С. 210–224; 424–503; Куфлева, В.Н. Преступления против общественной безопасности: учебное пособие / М.Л. Прохорова, В.Н. Куфлева. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. 208 с.; Куфлева, В.Н. Преступления против личности; Преступления против общественной (общей) безопасности и общественного порядка; Экологические, транспортные и компьютерные преступления / В.Н. Куфлева, В.П. Коняхин, Е.В. Сильченко, М.Л. Прохорова // Международное уголовное право: российский концепт. Общая, Особенная и Специальная части: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина. М.: Проспект, 2025. С. 289–315; 353–368; 397–416.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** раскрывается актуальность и степень научной разработанности темы диссертации, определяются ее объект, предмет цели и задачи, описаны нормативные, теоретические и эмпирические источники работы, представлены методологические подходы к их анализу, формулируются положения, выносимые на защиту, дана оценка их теоретической и прикладной значимости, указаны сведения об апробации результатов диссертации, ее структура.

Глава 1 «Лицо, совершившее преступление, в категориальном аппарате уголовно-правовой науки» состоит из трех параграфов.

В параграфе **1.1 «Лица в уголовном праве: общая характеристика»** раскрываются общие предпосылки теоретического анализа категории «лицо, совершившее преступление». Его философской основой выступает «антропологический поворот», предполагающий фокусировку социальных и гуманитарных наук на «проблеме человека». В сфере юриспруденции он формирует «субъектно-ориентированное понимание» (С.И. Архипов) и «принцип человекомерности» (В.И. Павлов) права, диктуя содержательное обновление системы правовых предписаний.

Необходимость включения рассуждений о человеке в контекст понимания уголовного права возникла в период политического обновления российского общества в середине XX в. и была связана с формированием теории уголовно-правовых отношений, которая послужила началом преодоления исторически укорененного взгляда на человека в уголовном праве как на «объект карательной деятельности государства». Однако несмотря на предпринятые усилия, полноценное «человекомерное» понимание уголовного права еще не сложилось в должной степени. Подтверждением и одновременно причиной этого следует признать неудовлетворительную степень разработанности общего учения о субъектах уголовного права. Теория уголовно-правовых отношений не может заменить собой теорию субъектов в уголовном праве. Они могут рассматриваться как взаимосвязанные и соподчиненные, но не поглощающие друг друга теоретические построения. При этом именно теория субъектов уголовного права должна стать исходной платформой для всех иных рассуждений, связанных с функционированием отраслевых предписаний.

Для целей построения такой теории в диссертации доказывается необходимость последовательного различения: субъектов политического общения в уголовном праве и субъектов уголовного права; субъектов публичного права и публичных субъектов права; субъектов уголовного права и субъектов уголовного правоотношения.

Субъектами уголовного права следует признавать государство, с одной стороны, и иных лиц – с другой. Для обозначения «иных лиц» в науке используются различные понятия – «личность», «человек», «лицо», каждое из которых создает особую конфигурацию учения о субъектах. Наименее удачным является термин «личность», наполненный социальным и психологическим содержанием. Выбор между терминами «человек» и «лицо»

зависит от того, признается ли человек единственным лицом, противостоящим государству в сфере уголовного права. В рамках исследования выбор сделан в пользу понятия «лицо» как более широкого и универсального по содержанию.

Противостоящим государству (как публичному субъекту) частным субъектом уголовного права является любое лицо, к которому обращены уголовно-правовые запреты, вне зависимости от его способности осознавать запрет и способности его нарушить. Однако отсутствие у лица способности осознанно соблюдать запреты и нести ответственность за их нарушение, хотя и не выводит лицо за пределы круга субъектов права, но делает его недееспособным в сфере уголовного права. Отсутствие уголовно-правовой дееспособности препятствует субъекту уголовного права быть субъектом уголовно-правового отношения.

Субъекты уголовного права обладают равновеликим статусом. Правовая доктрина не признает фактического равенства государства и лица, совершившего преступление, признавая последнее «слабой стороной» уголовно-правового отношения. Вместе с тем, она исходит из конституционных положений о том, что возможности неравных субъектов правоотношений участвовать в этих правоотношениях должны быть равными. Неравные субъекты уголовных правоотношений входят в эти отношения в качестве равных субъектов права.

В параграфе **1.2 «Лицо, совершившее преступление, и уголовно-правовые отношения»** при первом обращении к широкой палитре суждений об уголовно-правовых отношениях: а) критикуется подход, который признает возможность субъектов уголовного права вступать только в процессуальные или уголовно-исполнительные отношения и отрицает факт существования уголовно-правовых отношений (А.В. Мицкевич); б) опровергается мнение о том, что лицо, совершившее преступление, должно признаваться объектом уголовного правоотношения (А.И. Санталов).

Это позволило сосредоточить последующий анализ на концепциях предупредительных и охранительных уголовно-правовых отношений.

Включаясь в критику концепции предупредительных уголовно-правовых отношений с точки зрения темы исследования, следует соотнести понимание субъектов предупредительных правоотношений с субъектами уголовного права и признать их полное совпадение, причем как в качественных характеристиках лиц, к которым обращен закон, так и в количественном отношении (все без исключения лица как субъекты уголовного права являются субъектами предупредительных правоотношений) и в хронологическом (лицо, все время, пока является субъектом уголовного права, находится в уголовно-правовой связи с государством в рамках предупредительных отношений). При таком подходе различие субъектов права и субъектов правоотношений теряет смысл, поскольку за содержание правоотношения выдается содержание правоспособности субъектов права, что, как следствие, лишает смысла саму категорию предупредительных правоотношений.

Между тем, объективно существующую связь между субъектами уголовного права, возникающую с момента принятия и активации уголовного

закона игнорировать нельзя. Отталкиваясь от того, что влияние норм права на общественную жизнь не ограничивается только правовым регулированием, но включает в себя и иные виды правового воздействия, в работе признается, что связь эта укладывается в границы понятия «уголовно-правовое воздействие», однако субъектами его предложено понимать не граждан, обладающих сознанием и волей, и не общество в целом, а всех без исключения субъектов уголовного права (лиц, обладающих правоспособностью).

Принципиально иная ситуация возникает при характеристике охранительных правоотношений, которые именно регулируются уголовным правом и составляют его предмет. С точки зрения учения о лицах, анализ этих правоотношений проведен в работе по четырем направлениям:

а) отвергнуты попытки поместить конституционные обязательства государства и деликтные обязательства виновного лица перед потерпевшим в рамки учения об уголовно-правовых отношениях, поскольку потерпевший, не будучи субъектом уголовного права, не может выступать и субъектом уголовно-правовых отношений;

б) подвергнуты критике попытки признать малолетних и невменяемых лиц субъектами уголовно-правовых отношений; поскольку эти субъекты уголовного права не располагают способностью воспринимать требования норм права, руководить своим поведением в соответствии с ними и отвечать за свои поступки, они не могут выступать и участниками уголовного правоотношения, хотя возникающие в связи с совершением ими деяния отношения должны быть правовыми, формируя предмет права предупреждения преступлений или права безопасности;

в) признаны неубедительными попытки разработать концепцию субсидиарных участников правоотношения для описания лиц, участвующих в постпреступных деяниях или в процессе исполнения мер уголовно-правового характера, поскольку указанные действия укладываются в границы гражданско-правовых отношений между этими лицами и лицом, совершившим преступление, и не входят в содержание уголовно-правовых отношений.

В параграфе **1.3 «Лицо, совершившее преступление, и смежные уголовно-правовые понятия»** отмечается необходимость различения лица как реальной физической сущности и как юридической абстракции, не привязанной к физически существующему человеку. Отмечается при этом, что понятие «лицо, совершившее преступление» не указывает на правовой статус этого лица, но только на носителя правового статуса. Для указания на статус в уголовном законе используется множество понятий, которые содержательно распадаются на две группы. Первую группу составляют те, что соотносимы со стадиями уголовного процесса и отражают статус лица, совершившего преступление, в качестве участника уголовного судопроизводства. Вторая группа понятий отражает правовые характеристики данного лица в контексте его уголовно-правового статуса. Такой статус является самостоятельной правовой конструкцией, независимой от процессуального и иного отраслевого статуса этого лица; определяется фактом признания (непризнания) его виновным в совершении преступления и подлежащим (не подлежащим)

уголовной ответственности и наказанию; закрепляется в судебном решении, вынесенном по итогам рассмотрения уголовного дела по существу.

На основе учения об общем, специальном и индивидуальном правовом статусе в работе доказывается, что лицо, совершившее преступление, обладая общим правовым статусом гражданина, сохраняет его вне зависимости от факта совершения преступления. Факт совершения преступления наделяет его специальным статусом участника уголовно-правового отношения. Эти общий и специальные статусы статичны, представляя собой набор прав и обязанностей лица. Однако индивидуальный правовой статус лица обладает динамикой, связанной непосредственно с динамикой самого правоотношения.

Изменения индивидуального правового статуса лица, совершившего преступление, отражают последовательность разрешения вопроса о его уголовной ответственности. На этапе установления юридического факта (преступления) и причастности лица к его совершению конкретное лицо приобретает индивидуальный правовой статус участника уголовно-правового отношения. На следующем этапе решается вопрос о возможности и целесообразности реализации уголовной ответственности в отношении такого лица. В зависимости от результатов решения, в уголовном судопроизводстве возникают следующие фигуры: а) лицо, освобожденное от уголовной ответственности (соответствующим решением правоприменителя констатируется тот факт, что это лицо совершило деяние, содержащее признаки преступления, хотя само такое лицо не признается виновным или невиновным в совершении этого преступления); б) лицо, осужденное за преступление (таким следует признавать лицо, в отношении которого вынесен и публично приглашен обвинительный приговор суда); в) лицо судимое (статус приобретает лицом осужденным с момента вступления в силу приговора).

За пределами анализа правового статуса в работе представлено соотношение категории «лицо, совершившее преступление» с такими функциональными понятиями, как «субъект преступления» и «личность виновного». Уголовно-правовое понятие «субъект преступления» очерчивает юридически значимые признаки не только лиц, реально совершивших преступление, но и тех лиц, которые могут его совершить. В этом отношении понятие «субъект преступления» может рассматриваться как юридическая конструкция, при соотнесении с которой признаков конкретного лица устанавливается факт соответствия или несоответствия данного лица установленным признакам состава. Личность виновного – понятие, выполняющее принципиально иную уголовно-правовую функцию. Данные о личности виновного выступают одним из критериев дифференциации уголовной ответственности, проявляя себя при решении вопросов, связанных с назначением наказания, его отбыванием, освобождением от наказания и уголовной ответственности.

Глава 2 «Правовой статус лица, совершившего преступление» состоит из трех параграфов.

В параграфе **2.1 «Взаимосвязь принципов уголовного права и правового статуса лица, совершившего преступление»** представлены перспективы развития уголовно-правовой теории на основе исследования

содержательной связи принципов уголовного права с категорией «лицо, совершившее преступление». В работе отмечается:

– Исходя из принципа законности, человек должен знать обращенные к нему правовые требования, а сами эти требования должны обладать свойством правовой определенности. Для этого уголовный закон должен быть не только доведен до сведения граждан в предусмотренных процедурах официального опубликования, но и доступен для понимания. Именно понимание закона, а не его формальное знание, позволяет человеку привести свое поведение в соответствие с требованиями государства. Отсутствие понимания уголовного закона в условиях нарастающей сложности его текста, не компенсируемое обращением к судебному толкованию, препятствует его соблюдению. В целях устранения этой проблемы принцип законности в сочетании с принципом добросовестности поведения формируют требование человекообразности уголовного закона, обязывающее государство создавать закон, который человек сможет понять и оценить, для того чтобы разумно его исполнять.

– Содержательная связь доступности и понятности уголовного закона с принципом вины добавляет аргументы в пользу тезиса о возможности включения в предметное содержание вины признака сознания уголовной противоправности деяния.

– Осознанное нарушение воспринимаемых и понимаемых требований закона создает предпосылки для утверждения в уголовном праве принципа неотвратимости ответственности.

– Требования принципа вины входят в сопряжение с принципом личной ответственности, устанавливающим ограничения круга ответственных за совершение преступления лиц.

– Основой для сопряжения принципа вины и справедливости ответственности выступает понимание социальной сущности и степени вины. В силу своего уникального содержания, связывающего воедино социальные характеристики деяния и психическое отношение к ним лица, совершившего это деяние, понятие «степень вины» заслуживает легитимации в тезаурусе уголовно-правовых нормативных актов в качестве критерия индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

– Определение мер уголовно-правового воздействия, адекватных и соразмерных степени вины и в целом личности виновного, находится на стыке действия принципа справедливости и принципа дифференциации ответственности. При этом любая дифференциация правового регулирования, приводящая к различиям в правах и обязанностях субъектов права, должна осуществляться с соблюдением принципа равенства. Равенство всех перед законом не исключает установления различного статуса для различных категорий субъектов права, с тем непременным условием, что такие различия не будут произвольными.

– Уголовно-правовой принцип равенства имеет в виду закрепление формального, юридического равенства, т.е. равноправия граждан, при том, что фактическое равенство лиц, совершивших преступления, в сфере уголовного права не является ни возможным, ни желательным. Кроме того, юридическое

равенство обращено к положению только лиц, совершивших преступление, и не предполагает равенство статусов субъектов уголовного права. Человек в его взаимоотношениях с государством, в том числе лицо, совершившее преступление, в рамках уголовно-правовых отношений, выступает «слабой стороной», а потому нуждается в особых гарантиях своих прав и не должен подвергаться излишним обременениям.

– Фундаментальной гарантией «защиты слабого» выступает принцип гуманизма. Гуманизм охватывает своим содержанием все пространство уголовно-правового регулирования: начиная от защиты лиц, совершивших преступление, от самосуда и необоснованных репрессий, до признания максимальной гуманности мер публично-правовой ответственности за преступление.

В параграфе **2.2 «Статус лица, совершившего преступление, в рамках уголовно-правовых отношений»** обоснованы следующие теоретические тезисы:

– Совершение преступления не выводит лицо из круга субъектов права и не снимает с государства обязательств по признанию и уважению его прав и свобод. Лицо, совершившее преступление, отрицая установленный в государстве правопорядок, остается частью этого порядка, а потому имеет право на применение к нему положений закона. Гарантии такого права: защищают лицо от неправовых форм разрешения криминального конфликта; создают инфраструктуру правовых контактов этого лица с государством в пространстве и по кругу лиц; обеспечивают возможность рассмотрения уголовного дела законным, независимым, беспристрастным судом; предполагает реализацию только того наказания и только за то, что было нарушено лицом в известном ему законе. Именно конституционные притязания на то, чтобы вступить в уголовное правоотношение с надлежащим субъектом и на основании надлежащего закона лежат в основе уголовно-правового статуса лица, совершившего преступление.

– Уголовно-правовая норма не может не порождать права и обязанности, однако она не может одновременно устанавливать и правовые обязанности в различных сферах правового регулирования, и уголовную ответственность за их нарушение. Уголовно-правовая норма об ответственности за то или иное деяние не создает обязанности не совершать это деяние. Такая обязанность выводится не непосредственно из предписаний уголовного закона, а опосредованно из конституционных положений о том, что все граждане обязаны соблюдать Конституцию и законы России, и о том, что при осуществлении своих прав и обязанностей граждане не должны нарушать прав и свобод других лиц.

– Уголовно-правовая норма, определяя уголовно-правовой статус лица, совершившего преступление: а) не возлагает на правонарушителя обязанность совершения активных действий по принятию ограничений или лишений, предусмотренных законом; б) создает под угрозой наступления неблагоприятных последствий обязательства не препятствовать государству в реализации его полномочий в рамках уголовно-правовых отношений; в) не порождает для лица право требовать от государства применения к нему мер принуждения и не создает обязанности быть подвергнутым их назначению;

г) возлагает обязательства претерпеть любые назначенные вступившим в силу правовым актом меры, которые государство посчитает возможным и необходимым применить в конкретном случае.

– В период существования уголовно-правового отношения обязанности лица, совершившего преступление, распадаются на два блока, корреспондирующие этапам развития самого правоотношения. На первом этапе (от возникновения до судебного решения) – это обязанность не препятствовать государству в исполнении его полномочий по поддержанию и восстановлению правового порядка. На втором этапе (от момента вступления в силу судебного решения) – обязанность претерпеть те меры воздействия, которые государство посчитает необходимым и целесообразным применить для разрешения уголовно-правового конфликта.

– Составляющее основу уголовно-правового отношения пассивное правомерное поведение лица, совершившего преступление, основанное одновременно на обязанности «не препятствовать государству (следствию)» и праве «не помогать государству (следствию)» в социальном отношении является нейтральным и не может получать выраженную негативную или позитивную оценку в качестве смягчающего или отягчающего обстоятельства.

– Уголовно-правовой статус лица, совершившего преступление, ограничен временными рамками существования уголовно-правового отношения. С прекращением этого правоотношения лицо, совершившее преступление, во всех последующих правовых ситуациях предстает как лицо, ранее не вступавшее в уголовно-правовые отношения. Вместе с тем утрата статуса субъекта уголовно-правового отношения не равнозначна утрате статуса лица, совершившего преступление, не предполагает с необходимостью исключение влияния факта совершения преступления на участие этого лица и его статус в иных правоотношениях.

В параграфе 2.3 «Статус лица, совершившего преступление, за рамками уголовно-правовых отношений» отмечается, что материально-правовые ограничения и обязательства, возлагаемые в связи с фактом совершения преступления за рамками уголовно-правовых отношений, могут быть сведены в три группы, имеющие принципиальные различия в природе.

Первую группу составляют ограничения в правах, которые не являются уголовно-правовыми, но непосредственно вытекают из назначенного судом наказания. Среди них выделяются:

– правоограничения, которые приобретаются лицом, совершившим преступление, в рамках уголовно-исполнительных отношений. Необходимо отчетливо противопоставлять друг другу ограничения, составляющие сущность наказания, и составляющие часть режима его исполнения: а) чтобы связанные с исполнением наказания ограничения не вторгались в сферу ограничения прав и свобод, составляющих суть уголовного наказания; б) чтобы обеспечить соблюдение требований принципа законности в части регламентации вопросов обратной силы правоограничений, принимая во внимание, что связанные с режимом исполнения наказания правоограничения, изъяты из общего правила запрета обратного действия;

– правоограничения, расположенные за пределами уголовного и уголовно-исполнительного права, но формирующие правовой статус лица, в отношении которого исполняется или уже исполнено уголовное наказание. Такие ограничения выступают: а) условием исполнения наказания (например, запрет на выезд условно осужденных лиц за пределы страны); б) следствием установленных особенностей правового регулирования некоторых видов правоотношений (например, запрет рассматривать лицо, отбывшее принудительные работы, в качестве лица, привлекавшегося к оплачиваемому труду для целей определения ему размера пособия по безработице);

– правоограничения, которые располагаясь за рамками уголовных и уголовно-исполнительных правоотношений, определяются избранным государством способом разрешения уголовно-правового конфликта, не связанным с назначением наказания. Среди них: а) конфискация орудий и средств совершения преступления, которая применяется при освобождении от уголовной ответственности; б) помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа при освобождении его от уголовного наказания.

Вторую группу составляют ограничения, которые должны рассматриваться как проявление иных, кроме уголовной, видов правовой ответственности лица, совершившего преступление. Совершенное лицом деяние либо само по себе, либо в связи с теми последствиями, которое оно вызвало, может обладать качеством юридического факта, порождающего не только уголовно-правовые, но и иные правоотношения, в рамках которых и будет реализована иная, кроме уголовной, ответственность. Признание за одним деянием свойств нескольких юридических фактов позволяет избежать ошибок, связанных с реализацией мер частноправовой ответственности лиц, совершивших преступление.

Третью группу составляют ограничения в правах и свободах, которые не являются выражением правовой ответственности, но предусмотрены законодательством в качестве средств обеспечения охранительно-предупредительной функции права. Они имеют своим источником не столько преступление или уголовное наказание, сколько особые характеристики лица, совершившего преступление. В основе таких правоограничений – идея несовместимости выполнения некоторых видов общественно значимой деятельности лицами с упречной репутацией. При этом сами правоограничения в настоящий момент не систематизированы, а их правовая природа остается дискуссионной.

Глава 3 «Структурно-содержательный анализ понятия "лицо, совершившее преступление"» состоит из трех параграфов.

В параграфе **3.1 «Концепт "лицо" в структуре понятия "лицо, совершившее преступление"»** выявлены содержательные закономерности в определении нормативных границ понятия «лицо» в уголовном праве. Эти закономерности отражают исторический переход от антропоморфизма к антропологическому пониманию мира, при котором в центр общественной жизни помещается человек. Достижения гуманистической философии и

основанной на ней правовой теории выступали значимым ограничителем сферы уголовно-правового регулирования. Но именно по этой причине всегда находились под прицелом критики. Трансформационные процессы конца XX и начала XXI в. ознаменовали очередной период попыток пересмотра устоявшейся концепции с точки зрения решения проблем уголовной ответственности за деяния, в совершении которых задействованы юридические лица и системы искусственного интеллекта. Признание субъектами права, ответственности и преступления сущностей, отличных от человека, отражает глобальный феномен «дегуманизации права».

Его осмысление с точки зрения теории уголовно-правового регулирования привело к разработке трех мыслимых сценариев: а) отрицание ответственности неличностных субъектов с допущением применения к ним мер воздействия за пределами отрасли уголовного права в административно-правовом или гражданско-правовом порядке; б) признание уголовной ответственности таких субъектов с приспособлением для этих целей имеющихся или созданием параллельных уголовно-правовых конструкций, объясняющих особенности вины, причинной связи и целей наказания; в) разработка в рамках уголовного права отличной от традиционной, личностно-ориентированной уголовной ответственности, системы «квазиуголовных» мер воздействия в отношении неличностных субъектов, вплоть до возможности их применения при отсутствии вины.

Выбор между этими сценариями не может обосновываться соображениями уголовной политики, поскольку с политической точки зрения успешным может оказаться любой вариант. Это мировоззренческий выбор между инструментальными и моральными философско-правовыми теориями уголовного права. Первые рассматривают его как ординарный инструмент, который может быть использован государством для достижения любых возможных целей. Вторые усматривают в уголовном праве средство защиты свободы личности, инструмент осуждения ее морального выбора и поддержания моральных ценностей общества. Именно с позиции этой дихотомии стоит решать вопросы уголовной ответственности юридических лиц или систем искусственного интеллекта. На основе преимуществ моральных теорий уголовного права, в работе показано, что оправдывать применение мер уголовно-правового воздействия в отношении корпораций или систем искусственного интеллекта ссылками на то, что причиняемый их действиями вред велик и не может эффективно возмещен мерами ответственности в отношении физических лиц, едва ли правильно. Во-первых, штрафные и компенсационные санкции не составляют сути уголовного права, они успешно могут и должны применяться за его рамками. Во-вторых, нормы, нарушаемые неличностными субъектами, не созданы этими субъектами или для этих субъектов, не могут восприниматься ими. Более того, сами неличностные субъекты создаются человеком для того, чтобы укрепить, поддержать ценностно-нормативную систему человеческого общества. В связи с чем уголовное право должно реагировать не столько на причинение вреда юридическими лицами или системами искусственного интеллекта,

сколько на факты использования человеком неличностных субъектов для нарушения социальных норм и в целях причинения вреда.

В параграфе 3.2 «**Концепт "совершение" в структуре понятия "лицо, совершившее преступление"**» отмечается, что совершение преступления – это всегда определенный процесс, развертывающийся во времени и пространстве, представляющий собой взаимодействие человека с внешней средой. Подключение процессной составляющей для понимания концепта «совершение» определило три значимых аспекта его интерпретации:

Первый – операционально-нормативный. Совершение преступления есть разновидность осознанного поведения, внешне объективированное действие или бездействие лица, протекающее под контролем его сознания и воли. Утвердившийся со времен средневековья тезис о непознаваемости и ненаказуемости помыслов, дополненный в Новое время принципом вреда как основой криминализации деяний, должен оставаться фундаментом современного уголовного права.

Второй – криминологический-нормативный. Совершение преступления как поведенческий процесс, протекающий от момента зарождения преступного замысла до момента его фактического воплощения, отражается в уголовном праве не полностью, а только финальным этапом – «совершением преступления». Однако «совершение» не должно рассматриваться исключительно как финальный акт индивидуального преступного поведения, состоящий в непосредственном выполнении исполнителем объективной стороны состава оконченного преступления. Совершение преступления – более широкое понятие, охватывающее все виды произвольной активности, которые могут рассматриваться в качестве оснований для возложения уголовной ответственности. Концепт «совершение» объемлет собой и действия, которые «направлены к совершению» (ч. 1 ст. 30 УК РФ), и действия, состоящие в «оказании содействия в совершении» (ч. 5 ст. 33 УК РФ). Верное понимание термина «совершение» позволяет: правильно установить границы криминализации отдельных этапов и форм совершения преступления; эффективно решать вопросы, связанные с установлением признаков соисполнительства и предварительного сговора, с оценкой способа собственно исполнения преступления, с установлением для целей конфискации орудий и средств именно совершения преступления.

Третий – социально-нормативный. Совершение – не просто акт проявления внешней человеческой активности, это акт причинения вреда. Установление причиняющих свойств деяния есть вместе с тем и установление наличия причинной связи, в связи с чем процесс совершения деяния и процесс причинения вреда могут рассматриваться как синонимичные понятия. На основе системного подхода к пониманию причинной связи в работе отмечается, что традиционное уголовно-правовое учение о причинности, ориентированное только на познание одностороннего воздействия одного субъекта на материальный предмет, недооценивает того факта, что изменение одного элемента системы (материального предмета) приводит к изменению системы в целом (объекта уголовно-правовой охраны). Но именно этот второй момент

детерминации, отражающий связь поведения субъекта с изменением объекта преступления является наиболее значимым, поскольку выявляет социальное качество поведенческого акта, его общественную опасность. Этот аспект причинения позволяет «снять» дискуссии о наличии или отсутствии причинной связи в преступлениях с формальным и усеченным составом, при покушении на преступление и приготовление к нему, в деяниях соучастников, не являющихся исполнителями преступления (такая связь объективно присутствует, поскольку каждое из этих деяний признается опасным именно в силу того, что влечет негативные изменения в объекте уголовно-правовой охраны).

В параграфе 3.3 «**Концепт "преступление" в структуре понятия "лицо, совершившее преступление"**» основное внимание уделено содержательной связи признаков общественной опасности и виновности, отражающих представления о связи преступления и лица, его совершившего. Доказаны следующие тезисы:

– Опасность лица, совершившего преступление, не может игнорироваться при разработке и реализации средств уголовно-правового регулирования. Однако это не дает оснований для включения данных об опасности личности в структуру опасности совершенного ею деяния и тем более обосновывать само понятие преступления ссылками на общественную опасность личности. Стремление признать преступлением только такое деяние, которое совершается общественно опасным лицом, являет собой недопустимую эманацию теории опасного состояния личности (отражение которой сохраняется при криминализации деяний с административной преюдицией, установлении рецидива преступления в качестве квалифицирующего признака состава преступления).

– То, что в науке традиционно именуется общественной опасностью преступления, в реальности следует воспринимать как комплекс «опасность деяния + опасность личности», необходимый для справедливого разрешения уголовно-правового конфликта. Это комплекс самостоятельных (хотя и связанных друг с другом) носителей опасности, каждому из которых присуща своя функция в механизме уголовно-правового регулирования: опасность деяния формирует основание уголовной ответственности; опасность деяния в совокупности с опасностью личности определяют ее содержание и форму.

– В качестве признака преступления следует рассматривать не общественную опасность вообще, без указания на ее источник, а только общественную опасность совершенного лицом деяния, определяемую его объективными и субъективными признаками. Попытки представить общественную опасность деяния как подчеркнуто объективную его характеристику с одновременным вынесением оценки субъективных признаков деяния в категорию виновности следует признать необоснованными. Если общественная опасность сепарируется от виновности, то виновность, будучи признаком преступления и критерием его оценки, должна трактоваться в традициях оценочной теории вины, как вывод суда о степени упречности поведения лица, совершившего общественно опасное деяние. Между тем, отечественная наука не склонна к реанимации

положений данной теории. В итоге весь массив субъективных признаков совершенного деяния вынужденно охватывается понятием личности виновного, что, по сути, разрывает связь между личностью и деянием, игнорируя представления о социальной сущности вины. В силу этого, общественная опасность деяния не может определяться только объективными признаками, но зависит среди прочего и от субъективных компонентов деяния.

– Вина в ее психологической интерпретации, мотив и цель действий лица оказывают непосредственное влияние на параметры общественной опасности самого деяния. Именно они обеспечивают связь деяния с личностью субъекта, свидетельствуя о содержании его отношения к охраняемым законом ценностям, о степени их принятия и поддержки. Негативное отношение субъекта к защищаемым законом ценностям, выраженное в конкретном акте действия или бездействия, с необходимостью влечет за собой и негативное отношение закона к такому деянию. В силу единства и неразрывности объективного и субъективного в деянии отрывать или изолировать оценку вины от оценки общественной опасности деяния было бы принципиально неверно.

Глава 4 «Лицо, совершившее преступление, в системе оснований применения мер уголовно-правового характера» состоит из трех параграфов.

В параграфе **4.1 «Лицо, совершившее преступление, и основание установления уголовной ответственности»** показана историческая ретроспектива и современные проблемы решения вопроса о признании свойств личности основанием уголовной ответственности. Наиболее остро эти проблемы проявили себя в конце XIX – первой трети XX столетия на фоне размежевания основных уголовно-правовых школ и были связаны с обсуждением концепта «опасное состояние личности». Революционная увлеченность потенциально возможным радикальным социологическим обновлением уголовного права в итоге сменилась остро критическим отношением к теории опасного состояния. Отечественное право окончательно утвердилось в положении о том, что основанием применения мер уголовной ответственности может быть исключительно общественно опасное деяние.

Эта принципиальная установка не могла всецело вытеснить из уголовного права положения о лице, совершившем преступление. Концептуальные построения, которые позволяли совместить тезис о преступлении как основании ответственности и учение о преступнике, развивались в русле обсуждения двух основополагающих проблем: а) соотношение состава преступления и лица, совершившего преступление, что требовало решения вопросов о включении или невключении признаков субъекта в разряд признаков состава преступления, включении или невключении признаков, характеризующих опасность лица, в число признаков субъекта преступления; б) соотношение уголовного наказания и иных мер уголовно-правового воздействия, что требовало решения вопроса о том, составляют ли меры, ориентированные на преимущественный учет данных о лице, совершившем преступление, часть содержания уголовной ответственности, выступает ли основанием их применения преступление или особенности лица, его

совершившего, имеет ли уголовно-правовое воздействие, таким образом, монистический или дуалистический характер. Эти проблемы отчетливо коррелируют с дискуссиями о составе преступления и о мерах уголовно-правового характера и имеют выраженную хронологическую привязку соответственно – к УК РСФСР 1960 г. и УК РФ 1996 г.

В современных условиях проблема признания свойств личности основанием установления уголовной ответственности обсуждается в связи с криминализацией занятия высшего положения в преступной иерархии. Изучение судебной практики позволило оспорить суждения о том, что ст. 210¹ УК РФ входит в противоречие со ст. 8 УК РФ и должна быть исключена из закона. Признаки состава преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, устанавливаются не просто на основании факта наделения лица криминальным статусом, но также, исходя из доказательств наличия вполне определенных действий. Такие действия сами по себе (в отрыве от статуса выполняющих их лица и цели совершения) не являются преступными. Но в случаях совершения определенными лицами и в определенных целях, они выступают значимым элементом системы самодетерминации преступности и в силу это представляют достаточную для криминализации общественную опасность. «Высший» статус дает возможность не только совершения этих действий, но и «легитимирует» их, обеспечивает их принятие и обязательное следование им со стороны представителей криминального мира. И, наоборот, признание осужденными и лицами, отбывающими наказание, «легитимности» таких действий обеспечивает признание особого статуса лица, их выполняющего. Без взаимной поддержки «статус» и «действия» не существуют. С учетом этого диспозиция ст. 210¹ УК РФ может быть оптимизирована, чтобы в ней нашли отражение: а) факт использования полномочий; б) совершения конкретных действий; в) отсутствие в этих действиях признаков иного состава преступления.

В параграфе **4.2 «Лицо, совершившее преступление, и условия привлечения к уголовной ответственности»** отмечается, что традиционное включение в структуру состава преступления его субъекта требует специального обоснования вопроса о том, как этот элемент структуры состава соотносится с общественной опасностью преступления. В работе выделено две модели такого обоснования (материальная и формальная), коррелирующие с реалистичной и нормативистской концепциями состава преступления, а также с конкурирующими представлениями об ответственности как реальном претерпевании мер воздействия или всего лишь обязанности их претерпеть. Доказывается, что эти модели, при том, что каждая из них логична и целостна, создают весомые теоретические риски. Если полагать, что состав преступления выражает собой опасность преступления, достаточную для реализации мер уголовной ответственности, то в число признаков субъекта следует включать данные об опасности личности преступника, что не согласуется с принципом равенства и создает широкие предпосылки для исключения основания ответственности в действиях лиц, которые сами по себе опасностью не обладают. Если в ряду признаков субъекта преступления

оставлять только те, что обеспечивают начала равенства ответственности, то необходимо поставить под сомнение тезис о том, что признаки состава выражают опасность преступления.

Попытку преодоления этих крайностей создает третья модель – «компромиссная» или «смешанная». В рамках этой модели: а) уголовная ответственность мыслится как реальное претерпевание лицом, совершившим преступление, предусмотренных законом мер уголовно-правового реагирования; б) состав преступления мыслится как совокупность признаков деяния, каждый из которых и все вместе, минимально достаточным и необходимым образом отражают общественную опасность; в) лицо, совершившее преступление, и все его значимые для уголовной ответственности признаки, выводятся из конструкции состава в отдельную, самостоятельную, нормативно значимую структуру и именуется условиями уголовной ответственности.

В работе признается гносеологическое и прикладное значение идеи обособления признаков лица, совершившего преступление, в рамки самостоятельной уголовно-правовой категории с наделением ее функцией конструирования условий уголовной ответственности. Доказывается, что ситуация, при которой некоторые признаки лица, совершившего преступление (признаки субъекта) включены в основание ответственности, хотя и не выражают опасности деяния, а другие признаки этого же лица влияют на решение вопроса о том, будет ли оно претерпевать меры ответственности, хотя и не включены в основание ответственности, является необоснованной. В теоретическом плане она свидетельствует о неточном и противоречивом определении функционального предназначения признаков лица, совершившего преступление, в механизме уголовно-правового регулирования.

Предложенный подход позволяет не только примирить конкурирующие теории состава (объективистскую и нормативистскую), но также оптимизировать практику использования признаков специального субъекта преступления для конструирования оснований уголовной ответственности. Многообразие используемых в законе конструкций преступлений со специальным субъектом делится на две группы. В первую (сингулярную) включены ситуации, при которых признаки специального субъекта отражают механизм преступного поведения и непосредственно связаны с ним. Во второй конструкции (кумулятивной) признаки специального субъекта выступают самостоятельным и не связанным с механизмом совершения деяния «довеском» к его законодательному описанию. В УК РФ предусматривается две разновидности таких деяний – преступления с административной преюдицией и преступления, совершенные лицом, ранее судимым. Соответствующие составы входят в глубинное противоречие с теорией основания и условий уголовной ответственности. Административная наказанность и предшествующая судимость, не будучи связанными с механизмом совершения преступления, выполняют не ограничительную функцию, отсекая из сферы уголовно-правового воздействия некоторые категории граждан, а функцию формирования общественной опасности. В

связи с чем данные о личности становятся фактором, определяющим криминализацию деяния, с чем решительно нельзя согласиться.

В параграфе **4.3 «Лицо, совершившее преступление, и система мер уголовно-правового воздействия»** представлена градация предусмотренных уголовным законом мер в зависимости от характеристики оснований их применения.

Первую группу составляют меры, которые в императивном порядке применяются за совершенное преступление, вне зависимости от оценки фактических обстоятельств дела и личности виновного. К ним принадлежит конфискация имущества (гл. 15¹ УК РФ).

Вторую группу составляют меры, которые применяются по усмотрению суда к лицу, совершившему преступление, но не за само преступление, а за обнаруженную им опасность лица. К ним принадлежат принудительные меры медицинского характера (гл. 15 УК РФ).

Основания применения этих групп мер – деяние и личность – дискретны и не образуют системного единства. Как следствие, сами эти меры не выражают упрека лицу по поводу совершенного им преступления, не выражают осуждения этого лица со стороны государства, преследуют свои особенные цели. В терминологическом плане для обозначения этих мер адекватным представляется термин «меры безопасности».

Третью группу составляют меры, основание применения которых предполагает совокупную оценку судом и особенностей совершенного преступления, и данных о личности виновного. Это меры уголовно-правового характера. Только они могут выступать частью содержания уголовной ответственности, поскольку применяются:

- как реакция только на преступление, но не на постпреступные юридические факты (в связи с чем меры, которые применяются в процессе исполнения приговора и служат средством корректировки правового статуса осужденного лица должны получить статус самостоятельной группы мер, не относящихся к мерам уголовно-правового характера);

- только на основании обвинительного приговора суда (в связи с чем возможность применения мер уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности заслуживает критической оценки, а закон в соответствующей части может быть пересмотрен).

Установив в конкретном деле основание уголовной ответственности и убедившись в наличии предпосылок привлечения к ней, правоприменитель, оценивая опасность деяния и данные о личности лица, совершившего преступление, решает два принципиальных вопроса: а) реализовать ответственность или освободить от нее; б) в какой форме реализовать ответственность. На каждом из этих этапов роль данных о личности обратно зависима от оценки общественной опасности деяния. При совершении преступлений небольшой или средней тяжести сведения о личности имеют существенно большее значение для решения вопроса о необходимости реализации ответственности; тогда как при совершении преступлений тяжких

и особо тяжких учет данных о личности перемещается на этап выбора формы реализации ответственности и мер уголовно-правового характера.

Это обстоятельство позволяет ввести в оборот понятие «криминальная опасность лица, совершившего преступление», которое призвано подчеркнуть такой уровень опасности, для минимизации которого необходима целенаправленная реализация мер уголовно-правового характера. В практическом плане это дает основание утверждать, что не абсолютное отпадение опасности, а отпадение «криминальной» опасности или иными словами – снижение опасности лица до «некриминального» уровня может выступать основанием освобождения его от уголовной ответственности; а причина изменения показателей опасности (связано оно с его собственными позитивными постпреступными действиями или же с какими-либо с внешними обстоятельствами) может быть учтена в решении вопроса о том, заслуживает ли лицо, совершившее преступление и утратившее криминальную общественную опасность, порицания со стороны государства.

Глава 5 «Уголовно-правовая дифференциация лиц, совершивших преступление» состоит из трех параграфов.

В параграфе **5.1 «Теоретические и статистические аспекты уголовно-правовой дифференциации лиц, совершивших преступление»** отмечается, что градация лиц, совершивших преступление, функционально предназначена для такой дифференциации уголовно-правового воздействия, которая обеспечивала бы конституционно значимый баланс между равенством и различиями в их ответственности. В работе определены методологические требования к такой типологии: а) в ее основе должны быть расположены критерии, независимые от содержания уголовного закона (типология должна формировать закон, а не формироваться им); б) она должна быть построена на основе учета признаков, характеризующих именно лицо, совершившее преступление, а не само совершаемое преступление или особенности процесса его совершения или участия в нем; в) должна коррелировать с криминологическими представлениями о личности преступника, иметь криминологическое основание; г) должна быть лишена оценочных компонентов, иметь в своей основе объективные, верифицируемые критерии; д) должна иметь сквозное уголовно-правовое значение, обладать способностью участвовать в дифференциации уголовной ответственности на всех этапах уголовно-правового регулирования; е) она должна охватывать такие их признаки, содержание которых имеет прямое значение для оценки общественной опасности этих лиц, поскольку именно параметры опасности в современной уголовно-политической концепции выступают основным критерием дифференциации уголовной ответственности.

Отвечающая этим методологическим требованиям типология со всей очевидностью предполагает градацию лиц, совершивших преступление, на тех, кто совершает преступление впервые и не в первый раз.

Далее в работе представлена основанная на статистической информации уголовно-социологическая характеристика различий между ними. Установлено, что результатом динамических изменений преступности в последние десятилетия стало:

– сокращение среди лиц, совершивших преступление, тех, кто совершает его впервые (при отсутствии судимости), и рост тех, кто совершает преступление не в первый раз (при наличии судимости) – с 25,4% в 2000 г. до 56,3% в 2024 г.;

– сокращение среди лиц, фактически совершающих несколько преступлений, доли рецидивистов (с 62,8% в 2000 г. до 46,9% в 2024 г.) с одновременным увеличением доли судимых при отсутствии рецидива и доли впервые осуждаемых за совершение нескольких преступлений.

В качественном отношении преступность лиц, совершивших преступление впервые и не в первый раз, демонстрирует совпадающе высокий удельный вес краж, преступлений, связанных с оборотом наркотических средств, и нарушением правил дорожного движения. Однако за пределами этих совпадений отчетливо видно: лица, совершающие преступления при наличии рецидива, концентрируются и специализируются на совершении насильственных преступлений против собственности (7,6%), в то время как преступная деятельность лиц, считающихся несудимыми, в большей степени диверсифицирована с преобладанием криминальных «бизнес-моделей» (мошенничества – 8,4% и оборота наркотических средств – 20,8%) и нарушения правил поведения (в семье, на дорогах, во взаимоотношениях с контролирующими органами государства).

Это находит отражение и в практике применения мер уголовно-правового воздействия. В отношении рецидивистов и лиц, имеющих судимость при отсутствии признаков рецидива, суды гораздо чаще, нежели в отношении иных категорий подсудимых назначают наказание в виде «реального» лишения свободы. В массе лиц, совершивших преступление при рецидиве, его удельный вес достигает 64,5%, тогда как в массе юридически несудимых составляет всего 17,1%. Зеркальный масштаб – у самого мягкого наказания – штрафа, его удельный вес составляет 22% в массе несудимых и 0,9% среди рецидивистов. Показательны также данные о применении ареста и принудительных работ, которые демонстрируют существенно более высокой значение у рецидивистов по сравнению с лицами, не имевшими судимости, и показатели применения обязательных работ, в большей степени характерных для лиц, не имеющих судимости.

В параграфе **5.2 «Лицо, впервые совершившее преступление»** констатируется наличие в науке двух конкурирующих моделей понимания признаков такого лица: криминологической и уголовно-политической, дается их характеристика. Установлено также, что в законе «лицо, впервые совершившее преступление» используется в двух качественно различающихся контекстах. В некоторых ситуациях (ст. 75, 76, 76², 80¹ УК РФ) указание на «впервые совершенное преступление» находится в системно-содержательной связи с иными условиями выбора соответствующей меры правового воздействия и выступает одним из множества критериев, которые правоприменитель должен использовать для оценки опасности преступления и личности, иными словами, дается, по преимуществу, в его криминологической трактовке. В иных случаях (ч. 1 ст. 53¹, ч. 1 ст. 56, ч. 6 ст. 88 УК РФ) указание на впервые совершенное преступление лишено связи с

результатами оценки опасности рассматриваемой судом ситуации, является сугубо формальным и не требующим соотнесения с иными данными об опасности преступления и личности виновного, то есть тяготеет к уголовно-политическому варианту его интерпретации.

Разработка универсальной модели понимания уголовно-правового феномена «впервые» заставляет проводить различия между двумя пересекающимися понятиями: «преступление, совершенное впервые» и «лицо, совершившее преступление впервые».

Решение вопроса о том, какое преступление считать впервые совершенным, может быть различным, притом, что каждый из вариантов решения является теоретически допустимым. В таких ситуациях правовые аргументы уступают место аргументам политическим, а вопрос определения понятие «впервые совершенное преступление» становится вопросом уголовно-политического выбора, который зафиксирован в правовых позиция Верховного Суда РФ и как таковой не может быть оспорен. Хотя последовательность сделанного выбора требует соблюдения теоретического правила о том, что преступление, совершенное в период сохраняющихся уголовно-правовых отношений, не может считаться впервые совершенным (что служит дополнительным аргументом в пользу исключения из закона конструкций условного освобождения от ответственности с применением мер правового воздействия).

Решение вопроса о том, как учитывать данные о лице, впервые совершившем преступление, зависит от того, признается ли факт совершения преступления впервые самостоятельным смягчающим наказание обстоятельством, или же он должен учитываться в общем массиве данных, характеризующих личность виновного, а также от того, являются ли смягчающие обстоятельства самостоятельным критерием индивидуализации наказания или же поглощаются такими критериями, как личность виновного и опасность деяния. В работе доказано, что в механизме индивидуализации наказания совершение преступления впервые не должно иметь самостоятельного значения, но должно учитываться как обстоятельство, характеризующее личность, и в общей канве иных данных о личности виновного.

В параграфе **5.3 «Лицо, повторно совершившее преступление»** таковым признается лицо, ранее судимое, и критически оценивается позиция законодателя, который предлагает множество вариантов учета предшествующей судимости: конструируя предписания о рецидиве преступлений, разрабатывая специальные правила сложения наказаний при совокупности приговоров, создавая квалифицирующие признаки субъекта преступления, позволяя учитывать судимость в ряду данных, характеризующих личность виновного. В этой неоднозначности нормативных оценок предшествующей судимости усматривается одно из противоречий реализуемой стратегии противодействия повторной преступности.

Преодолеть его стоит с одновременного признания двух фактов: во-первых, совершение преступления лицом, ранее судимым, свидетельствует о его повышенной опасности; во-вторых, обстоятельства, свидетельствующие о повышенной общественной опасности личности виновного, не влияют на

степень опасности совершенного им преступления. В развитие этих тезисов доказываются следующие положения:

– Погашенная или снятая судимость сама по себе не создает особых правовых последствий в сфере уголовно-правового регулирования. Однако учет сведений о погашенной или снятой судимости, представляется необходимым для полной и всесторонней оценки личности виновного. Легализовать возможность такого учета можно двумя юридико-техническими способами: во-первых, посредством формулировки открытого перечня отягчающих обстоятельств, во-вторых (и это не противоречит первому), посредством корректировки содержания п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ, включения в его содержание не только рецидива, но и иных ситуаций наличия у лица судимости, в том числе снятой или погашенной.

– Основой для построения логически цельной и непротиворечивой концепции нормативной оценки преступного поведения лиц, ранее судимых, должны стать три взаимосвязанные идеи: а) все ранее судимые лица обладают повышенной опасностью по сравнению с лицами, совершающими преступление впервые; б) в общей массе лиц, ранее судимых, допустимо вычленение на основе определенных признаков некоторой группы или категории лиц, обладающих специфическими характеристиками и статусом, – рецидивистов; в) рецидив, как форма множественности преступлений, не согласуется с исходными признаками множественности, противодействие ему требует актуализации концепции «рецидивист».

– Отказ законодателя от «концепции рецидивиста» в пользу «концепции рецидива» оказался неоправданным, что подтверждается последовавшими изменениями ст. 68 УК РФ, демонстрирующими скрытый возврат к старой идее, согласно которой усиление наказания при рецидиве продиктовано не формальными соображениями множественности преступлений, а конкретными характеристиками личности рецидивиста и его преступной деятельности. Поддерживая предложения о закреплении в законе концепции «рецидивист как свойство личности», есть все основания к тому, чтобы при ее конструировании учесть содержание ранее совершенных и последующих преступлений, а именно их тождественный или однородный характер, свидетельствующий о формировании устойчивого типа криминальной личности.

– Вопреки прямому предписанию закона об учете судимости при назначении наказания, в самом законе нет конкретизирующих положений на этот счет. Судимость отсутствует в перечне отягчающих наказание обстоятельств. Можно ожидать, что суды будут учитывать ее в ряду общих данных, характеризующих личность виновного и ее поведение. Но закрытый характер перечня отягчающих обстоятельств формально препятствует этой возможности. Сложившаяся ситуация требует исправления, а вне рецидивная судимость нуждается в специальном представлении в тексте закона и конструировании прямого указания на возможность усиления наказания при ее наличии.

Заключение содержит основные выводы и предложения, сформулированные в процессе исследования.

В приложении представлены результаты эмпирических исследований.

СПИСОК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ, В КОТОРЫХ ИЗЛОЖЕНЫ ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИИ

(общий объем – 77,15 п.л., авторский вклад – 71,5)

Статьи, опубликованные в научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

1. Куфлева, В.Н. К вопросу о дефиниции преступного сообщества: международный опыт / В.Н. Куфлева // Российское правосудие. – 2012. – № 3. – С. 88–91 (0,3 п.л.).
2. Куфлева, В.Н. Уголовное законодательство о борьбе с преступными сообществами (преступными организациями): необходимость модернизации / В.Н. Куфлева // Российский следователь. – 2012. – № 23. – С. 27–29 (0,4 п.л.).
3. Куфлева, В.Н. Вопросы разграничения организации преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) со смежными составами преступлений / В.Н. Куфлева // Общество и право. – 2015. – № 1. – С. 89–93 (0,5 п.л.).
4. Куфлева, В.Н. Преступления в сфере журналистской деятельности: понятие и виды / В.Н. Куфлева // Вестник Краснодарского университета МВД России: научно-практический журнал. – 2016. – № 2. – С. 56–58 (0,3 п.л.).
5. Куфлева, В.Н. Теоретико-прикладные аспекты убийства матерью новорожденного ребенка / В.Н. Куфлева, К.А. Кзендзук // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2018. – № 2 (48). – С. 278–282 (0,6/0,3 п.л.).
6. Куфлева, В.Н. Уголовно-правовая охрана плода человека: международный и национальный аспекты / В.Н. Куфлева // Теория и практика общественного развития. – 2019. – № 5. – С. 70–73 (0,4 п.л.).
7. Куфлева, В.Н. Проблемные аспекты квалификации преступлений с использованием беспилотного транспортного средства / В.Н. Куфлева, Д.В. Соболев, В.В. Фирсов // Человек: преступление и наказание: научный журнал. – 2019. – № 3. – С. 335–342 (0,7/0,3 п.л.).
8. Куфлева, В.Н. Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. 1919 года: концептуальные основы и историческое значение (к 100-летию со дня принятия) / В.Н. Куфлева, В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова // Вестник Юридического факультета Кубанского государственного университета. – 2019. – № 4. – С. 133–145 (0,75/0,2 п.л.).
9. Куфлева, В.Н. Проблемные аспекты квалификации заражения ВИЧ-инфекцией / В.Н. Куфлева, Д.В. Соболев // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 8. – С. 89–93 (0,6/0,3 п.л.).
10. Куфлева, В.Н. Проблемы квалификации преступлений, связанных с использованием шифрования информации и обеспечением анонимности в сети Интернет / В.Н. Куфлева, А.И. Литовченко // Общество: политика,

экономика, право. – 2021. – № 9. – С. 80–83 (0,6/0,2 п.л.).

11. Куфлева, В.Н. Система наказаний по УК РСФСР 1922 г. и УК РФ 1996 г.: сопоставительный анализ / В.Н. Куфлева, А.К. Князькина, М.Т. Гигинейшвили, М.Л. Греков // Российский следователь. – 2022. – № 5. С. 18–20 (0,4/0,1 п.л.)

12. Куфлева, В.Н. Уголовный закон: алгоритм и стратегия развития / В.Н. Куфлева, В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова // Российский следователь. – 2022. – № 5. – С. 4–7 (0,4/0,1 п.л.).

13. Куфлева, В.Н. Вебкам-индустрия – новая угроза общественной нравственности / В.Н. Куфлева, А.И. Литовченко // Общество: политика, экономика, право. – 2022. – № 7. – С. 75–81 (0,5/0,2 п.л.).

14. Куфлева, В.Н. Новеллы квалификации вебкам-контента как публично распространяемой порнографии / В.Н. Куфлева, А.И. Литовченко // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 3. – С. 127–131 (0,5/0,2 п.л.).

15. Куфлева, В.Н. Аболиционизм в рамках вопроса смертной казни / В.Н. Куфлева, А.И. Литовченко // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 4. – С. 133–138 (0,5/0,2 п.л.).

16. Куфлева, В.Н. Институциональные основы уголовного права РФ / В.Н. Куфлева, В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова // Российский следователь. – 2024. – № 1. – С. 4–9 (0,7/0,2 п.л.).

17. Куфлева, В.Н. Лицо, совершившее преступление: современные вызовы и ответы / В.Н. Куфлева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД РФ. – 2024. – № 3. – С. 173–182 (1 п.л.).

18. Куфлева, В.Н. Лицо, совершившее преступление: историко-правовой экскурс / В.Н. Куфлева // Вестник Московского университета МВД РФ. – 2024. – № 4. – С. 82–87 (0,7 п.л.).

19. Куфлева, В.Н. К проблеме определения субъектов уголовного права / В.Н. Куфлева // Юрислингвистика. – 2024. – № 33. – С. 44–51 (1 п.л.).

20. Куфлева, В.Н. Проблемы общественной опасности преступления / В.Н. Куфлева // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия гуманитарные науки. – 2024. – Том. 18. № 4 (70). – С. 618–627 (0,7 п.л.).

21. Куфлева, В.Н. Лицо, совершившее преступление, в контексте учения о субъектах уголовно-правового отношения / В.Н. Куфлева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2025. – Т. 11. – № 1. – С. 415–426 (1,1 п.л.).

22. Куфлева, В.Н. Значение данных о лице, совершившем преступление, для определения системы и выбора мер уголовной ответственности / В.Н. Куфлева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД РФ. – 2025. – № 3. – С. 116–124 (1 п.л.).

23. Куфлева, В.Н. Содержательная взаимосвязь принципа законности и вины в контексте прав и обязанностей лица, совершившего преступление / В.Н. Куфлева // Общество и право. – 2025. – № 3. – С. 56–61 (0,7 п.л.).

24. Куфлева, В.Н. Основание уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии / В.Н. Куфлева // Уголовное право. – 2025. – № 12. – С. 33–42 (0,9 п.л.).

25. Куфлева, В.Н. Статус лица, совершившего преступление, за рамками уголовно-правовых отношений / В.Н. Куфлева // Союз криминалистов и криминологов – № 4. – 2025. – С. 111–121 (1,9 п.л.).

26. Куфлева, В.Н. Обязанности лица, совершившего преступление, в рамках уголовно-правовых отношений / В.Н. Куфлева // Алтайский юридический вестник. – 2025. – № 4. – С. 167–175 (0,75 п.л.).

27. Куфлева, В.Н. Права лица, совершившего преступление, в рамках уголовно-правовых отношений / В.Н. Куфлева // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2025. – № 4. – С. 414–419 (0,6 п.л.).

28. Куфлева, В.Н. Уголовно-правовая дифференциация лиц, совершивших преступление: теоретические аспекты / В.Н. Куфлева // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2025. – № 4. – С. 11–15 (0,5 п.л.).

29. Куфлева, В.Н. Теоретические и статистические аспекты уголовно-правовой дифференциации лиц, совершивших преступление / В.Н. Куфлева // Вестник Московского университета МВД РФ. – 2025. – № 6. – С. 121–130 (1 п.л.).

30. Куфлева, В.Н. Опасное состояние личности и основание уголовной ответственности: доктринально-нормативный опыт / В.Н. Куфлева // Lex russica. – 2026. – № 1 – С. 121–133 (1,2 п.л.).

31. Куфлева, В.Н. Лицо, впервые совершившее преступление: теоретическая характеристика и нормативное значение / В.Н. Куфлева // Российско-Азиатский правовой журнал. – 2026. – №1. – С. 83–89 (0,6 п.л.).

Монографии

32. Куфлева, В.Н. Иные меры уголовно-правового характера: понятия и виды: раздел I / В.Н. Куфлева // Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс. В 10 т. Т. 10. Иные уголовно-правовые меры. Меры безопасности и поощрения в уголовном праве / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2021. – С. 3–42 (2,7 п.л.).

33. Куфлева, В.Н. Лицо, совершившее преступление: вопросы теории: монография / В.Н. Куфлева – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. – 251 с. (17,1 п.л.)

34. Куфлева, В.Н. Лицо, совершившее преступление, и проблемы теории уголовно-правового регулирования: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. Ю.Е. Пудовочкина / В.Н. Куфлева – М.: Юрлитинформ, 2025. – 352 с. (22 п.л.)⁵.

Статьи, опубликованные в иных научных изданиях

35. Куфлева, В.Н. Понятие преступного сообщества (преступной организации): новейшая история и перспективы совершенствования /

⁵ На монографию опубликованы рецензии: Кибальник, А.Г. Новый концепт понимания лица, совершившего преступления / А.Г. Кибальник // Общество и право. 2026. № 1; Тыдыкова, Н.В. Рецензия на монографию В.Н. Куфлевой «Лицо, совершившее преступление, и проблемы теории уголовно-правового регулирования» / Н.В. Тыдыкова // Российско-Азиатский правовой журнал. 2026. № 1.

В.Н. Куфлева // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского конгресса уголовного права (26–27 мая 2011 г.). – М.: Проспект, 2011. – С. 135–139 (0,3 п.л.).

36. Куфлева, В.Н. Криминализация организации преступного сообщества: международный опыт и пути оптимизации законодательного описания в УК РФ / В.Н. Куфлева // Организованная преступность и коррупция: результаты криминологического-социологического исследований / под ред. Н.А. Лопашенко; Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «СГЮА», 2011. – Выпуск 6. – С. 273–276 (0,3 п.л.).

37. Куфлева, В.Н. К вопросу о либерализации уголовного законодательства России на современном этапе / В.Н. Куфлева // Современные проблемы уголовной политики: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., 23 сент. 2011 г.: в 2 т. / под ред. А.Н. Ильяшенко. – Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2011. – Т. II. – С. 137–139 (0,25 п.л.).

38. Куфлева, В.Н. Векторы уголовно-правовой политики России на современном этапе / В.Н. Куфлева // Современные проблемы уголовной политики: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., 28 сент. 2012 г.: в 2 т. / под ред. А.Н. Ильяшенко. – Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2012. – Т. II. – С. 38–43 (0,4 п.л.).

39. Куфлева, В.Н. Гуманизация, либерализация и прагматизация как векторы уголовно-правовой политики России на современном этапе / В.Н. Куфлева // Правовая система России: традиции и модернизация: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 55-летию образования юридического факультета КубГУ. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. – С. 244–247 (0,2 п.л.).

40. Куфлева, В.Н. К вопросу о понятии и системе мер уголовно-правового воздействия некарательного характера / В.Н. Куфлева, А.П. Чугаев // Современные проблемы уголовной политики: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., 3 окт. 2014 г.: в 3 т. / под ред. А.Н. Ильяшенко. – Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2014. – Т. III. – С. 212–220 (0,3/0,15 п.л.).

41. Куфлева, В.Н. Уголовно-правовое воздействие и его соотношение с мерами уголовно-правового характера: законодательный аспект / В.Н. Куфлева, А.П. Чугаев // Право. Законодательство. Личность. – 2015. – № 1. – С. 255–261 (0,45/0,25 п.л.).

42. Куфлева, В.Н. Криминализация организации преступного сообщества: пути оптимизации законодательного описания в УК РФ / В.Н. Куфлева // Криминологические основы уголовного права // Материалы X Российского конгресса уголовного права, 26–27 мая 2016 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлиинформ, 2016. – С. 139–142 (0,2 п.л.).

43. Куфлева, В.Н. Актуальные вопросы квалификации участия в преступном сообществе (преступной организации) / В.Н. Куфлева // 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: de lege lata et de lege ferenda: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Л.Л. Кругликов. – Ярославль: Ярославский гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 2016. – С. 181–188 (0,4 п.л.).

44. Куфлева, В.Н. Международные стандарты и перспективы совершенствования мер уголовно-правового воздействия на организованную преступность / В.Н. Куфлева // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (I Саратовские уголовно-правовые чтения): сб. ст. по матер. I Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Н.А. Лопашенко; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «СГЮА», 2016. – С. 350–354 (0,3 п.л.).

45. Куфлева, В.Н. Понятие и юридическая природа условного осуждения в современном уголовном праве / В.Н. Куфлева, А.П. Чугаев // Проблемы эффективности права в современной России: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. – Т. 2. – С. 133–139 (0,3/0,15 п.л.).

46. Куфлева, В.Н. Условное осуждение: международные стандарты и уголовно-правовая политика РФ / В.Н. Куфлева // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 30 сент. 2016 г.: в 2 т. / редкол: К.В. Вишневецкий, И.А. Паршина, И.В. Танага, П.В. Максимов, А.З. Хун. – Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2016. – Т. I. – С. 239–245 (0,4 п.л.).

47. Куфлева, В.Н. Дискуссия об уголовном проступке: «за» и «против» / В.Н. Куфлева, П.Г. Кузьмина // Юридический вестник Кубанского государственного университета – 2017. – № 2 (31). – С. 32–35 (0,5/0,25 п.л.).

48. Куфлева, В.Н. Противодействие организованной преступности – одно из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности РФ / В.Н. Куфлева // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики // Материалы XI Российского конгресса уголовного права, 31 мая–1 июня 2018 г. / отв. ред. В.Г. Степанов-Егиянц. – М.: Юрлиинформ, 2018. – С. 416–419 (0,35 п.л.).

49. Куфлева, В.Н. Особенности законодательной регламентации иных мер уголовно-правового характера / В.Н. Куфлева // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.): материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.П. Коняхин и М.Л. Прохорова. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. – С. 430–438 (0,4 п.л.).

50. Куфлева, В.Н. Квалификация преступлений с использованием беспилотного транспортного средства: актуальные проблемы и пути их решения / В.Н. Куфлева, Соболев Д.В. // Уголовный закон в эпоху искусственного интеллекта и цифровизации: сборник трудов по материалам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием в рамках I Саратовского международного юридического форума, посвященного 90-летию юбилею Саратовской государственной юридической академии / под общ. ред. А.Г. Блинова, Е.В. Кобзевой. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2021. – С. 159–166 (0,4/0,2 п.л.).

51. Куфлева, В.Н. Виды иных мер уголовно-правового характера в российском уголовном праве / В.Н. Куфлева // 30 лет Юридической науки КубГАУ:

сборник научных трудов по материалам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. В.Д. Зеленского, отв. за выпуск С.А. Куемжиева, А.А. Тушев. – Краснодар: Изд-во КубГАУ им. Трубилина, 2021. – С. 178–185 (0,3 п.л.).

52. Куфлева, В.Н. Вебкам-индустрия и уголовный закон / В.Н. Куфлева // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегод. Всерос. конф.: под общей редакцией Т.А. Огарь, Д.М. Кокина. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2022. – С. 157–162 (0,3 п.л.).

53. Куфлева, В.Н. К вопросу об уголовной ответственности лиц с расстройством половой идентичности / В.Н. Куфлева, А.И. Литовченко // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегод. междунар. науч.-практ. конф.: под общей редакцией Т.А. Огарь, Д.М. Кокина. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2023. – С. 154–159 (0,3/0,15 п.л.).

54. Куфлева, В.Н. Институт иных мер уголовно-правового характера: особенности применения и исполнения / В.Н. Куфлева // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летнему юбилею профессора В.П. Коняхина: материалы Междунар. науч.-практ. конф. г. Краснодар, 1–2 февраля 2024 г. / отв. ред. Коняхин В.П. и Прохорова М.Л. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. – С. 308–319 (1 п.л.).

55. Куфлева, В.Н. О необходимости разработки теории субъектов уголовного права (исходные положения) / В.Н. Куфлева // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. памяти проф. В.Е. Квашица, 20 сент. 2024 г. Краснодар: редкол.: А.Л. Осипенко, В.С. Соловьев, А.С. Ильницкий и др. – Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2024. – С. 151–160 (0,6 п.л.).

56. Куфлева, В.Н. Лицо, совершившее преступление, и смежные уголовно-правовые понятия / В.Н. Куфлева // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – 2025. – № 1. – С. 31–38 (0,5 п.л.).

57. Куфлева, В.Н. «Совершение преступления» как уголовно-правовое понятие / В.Н. Куфлева // 15-летие Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан: состояние и перспективы: сборник материалов междунар. науч.-практ. конф., г. Душанбе, 03 декабря 2024 г. / под ред. П.А. Насуриён, Р.Р. Рахмаджонзода. – Душанбе: Типография Министерства внутренних дел Республики Таджикистан, 2025. – С. 146–153 (0,7 п.л.).

58. Куфлева, В.Н. Совершение преступления как причинение вреда / В.Н. Куфлева // III Ярославский юридический форум: сборник научных статей по вопросам уголовного права и криминологии / отв. ред. Е.В. Благоев, А.В. Иванчин, В.П. Коняхин; ЯрГУ им. П. Г. Демидова. – Ярославль: Канцлер, 2025. – С. 113–124 (0,5 п.л.).

59. Куфлева, В.Н. Искусственный интеллект как субъект уголовной ответственности: теоретические аспекты / В.Н. Куфлева // Сибирский юридический форум: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. И.В. Ботвина. – Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2025. – С. 34–36 (0,2 п.л.).

60. Куфлева, В.Н. Субъекты уголовного права и уголовно-правовое воздействие / В.Н. Куфлева // Стратегии противодействия преступности в

условиях изменяющейся реальности (strategies for countering crime in a changing reality): сборник материалов II междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Н.А. Крайновой. – М.: РУСАЙНС, 2025. – С. 139–149 (0,6 п.л.).

61. Куфлева, В.Н. Признаки преступного сообщества (преступной организации) сквозь призму международного и отечественного уголовного права / В.Н. Куфлева, М.Л. Прохорова // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс]: материалы ежегодной международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 19–20 июня 2025 года. / под ред. Д. М. Кокин; сост. Ю. А. Шутова. – Электрон. дан. (3,27 Мб). – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. – 1 электрон. опт. диск. – Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более; 512 Мб и более; CD/DVD – ROM дисковод; Microsoft Windows XP и выше; SVGA 800×600 .16 bit и более; Internet Explorer; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. – С. 275–284 (0,6/0,3 п.л.)

62. Куфлева, В.Н. К вопросу о признании искусственного интеллекта субъектом уголовной ответственности / В.Н. Куфлева // «Опыт реформирования законодательства в сфере противодействия преступности к 10-летию принятия и вступления в силу действующих Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов Республики Казахстан»: материалы междунар. науч.-практ. конф. 28 марта 2025 г. – Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2025. – С. 75–78 (0,3 п.л.).

63. Куфлева, В.Н. Принципы уголовного права как основа правового статуса лица, совершившего преступление / В.Н. Куфлева // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. памяти профессора В. Е. Кваписа, 26 сент. 2025 г. / редкол.: А.Л. Осипенко, В.С. Соловьев, А.С. Ильницкий и др. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2025. – С. 141–151 (0,8 п.л.).

64. Куфлева, В.Н. Этика искусственного интеллекта: граница между творчеством и нарушением прав человека / В.Н. Куфлева, А.И. Фонштейн // Њуќуќи инсон ва мушкилот замони муосир: маводи конференсияи байналмилалии илмию назариявӣ (5-уми декабри соли 2025) / Дар зери таърири доктори илмъои њуќуќшиносӣ, профессор Мирзозода П.З. ва доктори илмъои њуќуќшиносӣ, профессор Мирализода И.К. – Душанбе: МоъиМунир, 2025. – С. 437–447 (0,6/0,3 п.л.).

65. Куфлева, В.Н. Индивидуальный правовой статус лица, совершившего преступление / В.Н. Куфлева // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета (серия: гуманитарные и общественные науки). – 2025. – № 4 (55). – С. 88–98 (0,7 п.л.).

К у ф л е в а Валентина Николаевна

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УЧЕНИЯ
О ЛИЦЕ, СОВЕРШИВШЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЕ**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Подписано в печать 17.03.2026. Формат 60X84 1/16
Печать цифровая. Объем 2,5 п.л. Тираж 150 экз. Заказ № _____

Тираж отпечатан с оригинал-макета заказчика
в типографии ООО «Просвещение-Юг»
350080, г. Краснодар, ул. Бородинская, 160/5